

Дарья Матрохина

А завтра —
конец...

Дарья Матрохина
А завтра – конец...

«Издательские решения»

Матрохина Д.

А завтра – конец... / Д. Матрохина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831042-3

Апокалипсис произошёл немного не так, как все ожидали. Вырвавшаяся из-под контроля болезнь сразила физически сильных, но не обладающих достаточным уровнем развития людей. Вирус принялся выкашивать тех, чей мозг оказался не в состоянии с ним бороться, превращая их в жаждущих человеческой плоти монстров. И, попав в круговорот поголовного истребления, некоторые выжившие повели себя не так, как другие...

ISBN 978-5-44-831042-3

© Матрохина Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

А завтра – конец...

Дарья Матрохина

© Дарья Матрохина, 2016

ISBN 978-5-4483-1042-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Апокалипсис начался не с грохота или воя сирены, а с телефонного звонка. Ника подняла голову от подушки и бросила взгляд на часы. Цифры не сказали ничего определённого. В половине восьмого утра мог звонить кто угодно, от начальства, которое решило прийти пораньше в офис, до матери, которой приснился дурной сон. Девушка внутренне содрогнулась: ни то, ни другое, не предвещало ничего хорошего. Однако телефон не умолкал, и ей пришлось, потянувшись, снять его со стола.

– Алло, Ника, ты меня слышишь? – спросил телефон голосом матери, – Это ты?

– Да, мам. Что-то случилось?

– А ты не знаешь? У нас уже часа два передают о том, что у вас в Москве произошло.

– А что произошло?

– Включи телевизор, – вместо ответа порекомендовала мать.

Ника сморщилась от одной мысли о том, что придётся выбираться из-под одеяла на час раньше обычного. Она специально снимала именно эту однокомнатную малометражную квартиру почти под самой крышей, чтобы от работы её отделяло меньше ста метров. Коллеги, которые в своё время погнались за комфортом, каждое утро вставали в семь и толкались в пробках, чтобы к половине десятого оказаться в офисе, расположенном в самом центре города. Да, и у этого места были свои недостатки, но, в конце-то концов, протекающий унитаз можно починить, а географическое положение исправить затруднительно. Да и аренда съедала не половину, а только четверть зарплаты, и она всегда могла позволить себе что-нибудь вкусенькое. Девушка вспомнила о булочках с кремом, оставшихся в холодильнике после вчерашней трапезы, и улыбнулась: ничего, зато успеет как следует позавтракать.

Храбро откинув одеяло, Ника опустила ноги на пол. Диван, поражённый столь стремительным подъёмом до самой глубины души, удивлённо скрипнул. Гордость хозяйки не зря осталась в квартире, хотя всю остальную мебель пришлось заменить – он единственный мог вынести её ритм жизни, с ненормированным рабочим днём и внезапными пробуждениями. Любая кровать приходила в негодность меньше, чем через год, а этот малыш, которому пошёл уже третий десяток, до сих пор справлялся.

Пол был на удивление тёплым, как будто внизу что-то горело. Ника несколько раз прошла туда-обратно по единственной комнате, выскивая взглядом пульт. Даже откинула занавеску. И замерла.

По улице бежал обнажённый молодой человек с горящей палкой в руках. Приглядевшись, девушка поняла, что на палку были намотаны его собственные штаны. Причина столь странного поведения не замедлила появиться. Из подворотни на бегущего выскочил высокий мужчина с окровавленным ртом, и попытался схватить за горло. Но промахнулся и руки сомкнулись на самодельном факеле. Нападающий дико закричал и рванул в сторону, но дело было сделано: огонь потух, из мусорного бака выскочили двое окровавленных детей и набросились на оставшегося без оружия. Буквально за несколько секунд всё было кончено.

Ника снова набрала номер матери:

– Ника, ты в порядке?

– Да, мам, всё хорошо. У нас так же?

– Так везде. Уезжай их города. Скоро он прекратится в ловушку.

- То есть, лучше уехать, чем остаться в квартире?
- Мы не знаем, насколько они сильны у вас там. Дверь вряд ли сможет тебя защитить.
- Хорошо. Я уеду. Но и ты тоже уезжай.
- Но ведь тогда тебе некуда будет идти.
- Мам, не обращай внимания. Скажи дяде Мише, пусть всей семьёй едут на дачу в Иркутск, и тебя возьмут. А ты консервы возьми, которые из старых армейских запасов.
- Всё настолько плохо?
- Я не знаю. И это пугает меня больше всего...

Глава 1

Из города она вырвалась через три часа. В кой-то веки на выезде не было пробок. И семейный шестиместный автомобиль, мерно покачиваясь, миновал надпись «Москва». На крыше иногда звенели два велосипеда, а багажник и заднее сиденье были забиты консервами и прочими необходимыми для жизни вещами. Ника смотрела слишком много страшных фильмов, в которых герои погибали только потому, что не могли найти еду. Поэтому девушка заранее озаботилась походным мешком. Так что заезд в гипермаркет был просто смешным: припарковаться поближе к входу, наполнить тележку едой и прочим, и быстро перегрузить в машину. Семья, которой и принадлежала машина, из мясного отдела так и не вернулась, но доносящиеся оттуда крики говорили лучше сигнала о помощи. Не стоило туда идти, но молодая мать на все объяснения Ники только кричала, что её детям нужно будет в дороге свежее мясо. Чем мясо, которое испортится через три часа в жаркой машине, сможет им помочь через неделю, она объяснить так и не смогла. Будь с ними мужчина, всё могло бы закончиться иначе, но так ключи были отданы Нике, и она со спокойной душой уехала, не дожидаясь, пока твари закончат с детьми и примутся за неё. За свою глупость каждый должен платить сам. Тем более, если придётся заплатить за чужую глупость новомодным автомобилем на солнечной батарее. Так что девушка не жалела о своих поступках. В конце концов, они сами выбрали свою судьбу.

Она ехала двое суток, не останавливаясь на заправках и не тормозя при виде выходящих на дорогу фигур. Но когда-нибудь это должно было закончиться. На дороге возникло самое желанное здание для любого человека, который готовил себя к зомби-апокалипсису: аптека. И Ника нажала на тормоз, думая, что успеет. Не успела: тёмная фигура метнулась к ней, когда девушка уже заканчивала грузить вторую коробку с лекарствами в багажник. Не придумав ничего лучшего, Ника бросила коробку под ноги и рванула в сторону. Нападающий, бросившись за ней, споткнулся и весь оказался освещён фонарём. У него не было одного глаза и нижней части челюсти, как будто кто-то старался снести его голову с плеч чем-то острым. А, может, и действительно старался, но не преуспел, иначе зомби бы тут не бродил. Она захлопнула дверь и вдавила газ в пол, нажимая на кнопку автоматического закрытия багажника.

– Потрясающая у тебя машина, – раздалось сбоку.

От резкого движения Ники машину повело в сторону, и зомби, бросившийся вперёд, промазал мимо багажника. Но рассматривать неожиданного попутчика девушка не стала. И, только когда в зеркале заднего вида исчезло отражение полуживого тела, слегка повернула голову. На соседнем сиденье расположился мальчишка.

– Ты сидишь на вещах.

– Извини, разобраться что где было некогда.

– Сколько тебе лет?

– А тебе?

– Я первая спросила.

– Маленьким надо уступать.

– Маленький сейчас пешком пойдёт.

– Четырнадцать.

– А мне двадцать четыре.

– Учишься?

– Училась. Год назад. А сейчас работаю.

– Кем?

– Я... А, не важно уже, в принципе! Пить хочешь?

– Да.

- Потерпишь. Питьевую бережём, а для того, чтобы отфильтровать, нужно остановиться. Мальчишка отвернулся к стеклу и что-то пробурчал.
 - Что?
 - Да, говорю, грубая ты. Неженственная.
 - Если бы я была женственной и нежной, то тебя бы сейчас вон тот зомбак доедал.
 - Обязательно язвить?
 - Это – защитная реакция.
 - Тогда ладно, – и он снова отвернулся к стеклу, – Где остальные?
 - Какие остальные?
 - Ну, там в бардачке игрушки детские, так что дети должны быть, да и на мать ты не тянешь.
 - Это не моя машина.
 - Ясно. А чья?
 - Они мертвы.
 - Ты?
 - Их собственная глупость. Пошли в мясной отдел.
 - За свежим мясом для растущего организма?
 - Да.
 - Мои тоже.
 - А они не подумали о том, как его хранить?
 - Я им говорил, но они не слушали.
 - А почему с ними не пошёл?
 - Остался охранять холодильник.
 - Он такой ценный?
 - Он на солнечной батарее.
 - А... кстати, ты заметил как они вычисляют своих?
 - Неа, мне не до этого было. Выжить бы.
 - Плохо.
 - Знаю, но выбора особого не было: либо бежать, либо потом на собственном опыте узнать, как они различают своих и чужих. И откуда они вообще взялись?
 - Из Москвы.
 - До Москвы почти триста километров, как они добрались за час?
 - За час? Я еду третьи сутки.
 - То есть, ты два дня назад уже знала, что происходит?
 - Да.
 - И почему всем не рассказала?
 - Время – самая ценная вещь на земле теперь. Если бы я задержалась хотя бы на час, могла бы вообще не выбраться. Стоп. А как ты добрался до заправки так далеко от города?
 - Ну... Я прибился к семейной паре на машине.
 - И где они?
 - Они... Они меня высадили.
 - Почему?
 - Сказали, что еды всем не хватит, ещё меня кормить.
 - Вообще здравая мысль.
 - Не бросай меня, пожалуйста.
- Ника повернулась к мальчишке и начала его рассматривать. Маленький, очень маленький. Один не выживет. Бросать нельзя, чтобы не говорил рациональный мозг. К тому же, неизвестно, сколько будет продолжаться эпидемия...

– Если через четыре года эпидемия не закончиться, я продам тебя тому, кто будет снова разводить здоровых людей.

– Хорошо. Только до этого не бросай меня.

Они ехали почти неделю, на ночь пряча машину по маскировочный тент и стараясь не шуметь. Но оба прекрасно понимали, что рано или поздно им придётся где-то остановиться и осесть. Потому что невозможно вечно бежать. Каждый день они подолгу разговаривали, Ника дважды звонила матери, которая добралась-таки до Иркутска и просила ни в коем случае не приезжать. Почему – непонятно. «Бойтся, что привезёшь заразу» – пояснил мальчишка. Они обсудили дальнейшие планы, и пришли к выводу: куда бы поехали, покидать территорию страны не будут, и прибиваться к большим группам – тоже. У них слишком много всего редкого, чтобы остаться без него из-за собственной глупости.

– Я не хочу снова стать младшим, когда только повзрослел.

– Я так и не знаю, кто ты вообще.

– А это важно?

– Ну, как хоть тебя называть?

– Зови меня как хочешь, это сейчас не важно.

– Как это «не важно»?! А что я буду кричать над твоим трупом?

Они засмеялись. Напряжение, сковывающее обоих всё это время, стало понемногу отступать. Ника открыла подлокотник и достала конфеты – единственное, что так и не смогла выкинуть. Мальчишка сунул пару в рот и весело захрустел.

– Я буду звать тебя «бубен».

– Почему именно «бубен»?

– У меня в институте друг был, мы его так звали.

– И как кончил?

– Не знаю. А это сейчас хороший знак.

– Согласен. А я тебя буду звать...

– Ника.

– Почему это?

– Потому что в жизни я – Вероника.

– Блин, живут же люди – даже прозвища заранее классные.

– А тебя как звали?

– Олег.

– Тоже неплохо, господин Оленина.

– Эй! Не называй меня так!

– Хорошо-хорошо, только не кричи. Посмотри лучше там, в бардачке, там вроде музыка должна была быть. Не может в машине быть музыки.

– Угадала.

«А сейчас я расскажу вам о том, как самка кенгуру вынашивает детёныша...»

– «В мире животных»?

– Ага.

– Мне она всегда нравилась.

– Мне тоже.

– Знаешь, мне кажется, мы подружимся...

– Ты уверена, что точно видела там огни?

– Конечно, да ты и сам начал кричать «Люди!». Разве нет?

– Знаешь, люди склонны поддаваться общему настроению, когда оказываются в стрессовой ситуации. Поэтому не злись и не зли меня.

– Откуда ты вообще взялся такой умный?

– Я всю жизнь готовил себя к этому мигу. Читал книги по теме, прошёл курсы выживания в условиях крайнего севера, собрал походный рюкзак, фильмы страшные смотрел.

– Фильмы он смотрел... – хмыкнула девушка, нажимая на тормоз, – Где твой рюкзак, специалист?

– Эй, ты чего это остановилась?

– Пошли глянем, кто там прячется.

– Не-не-не. А вдруг там заражённые?

– Ага, заражённые, которые умеют пользоваться светом, и даже погасили его, чтобы мы их не заметили. Там люди. Напуганные слабые люди. И знаешь что?

– Что?

– Если бы у них ничего не было, они бы не боялись. Так что бери ружьё, а я топор возьму. Пойдём глянем, чем тут можно разжиться. Да и поговорим с живыми людьми, а то одичали совсем...

Это был даже не домик, как им показалось издали, а сарай. Обветшавшие стены едва не падали, дверь качалась от ветра и явно не была способна полноценно закрыться.

– Если что, это была твоя идея, – быстро прошептал Бубен, сжимая ружьё так, что пальцы побелели, и шагнул внутрь, – Мамочки!

– Что там?

– Тебе лучше не видеть.

– Уходим?

– Немедленно...

Они ехали на полной скорости несколько часов, прежде чем мальчик попросил Нику остановиться. Стало совсем темно, но она всё равно смогла разглядеть, как его вывернуло наизнанку. Девушка пошарила сзади и вытащила бутылку дефицитной воды. Сейчас она была нужна, и прежняя экономия только помогла. Она дождалась, когда он закончит и привалится к соседнему дереву, и посигналила. Фары было включать опасно, а гудок автомобиля издали очень похож на рёв дикого зверя. Едва он вернулся на своё место, Ника протянула ему бутылку и вдарила по газам.

– А как же экономия?

– Всё равно нам скоро придётся остановиться, не вечно же ехать. И фильтров полный набор, коробку даже не открыли. Мы же только на стоянках воду брали, свою берегли, осторожно. Так что сейчас у нас много, можно об этом не думать. Пей, не размышляй!

– А можно мне ещё бутылку?

– Обойдётся, воду надо беречь...

– Где устроимся надолго?

– Не знаю, я пока об этом не думала. А что – есть идеи?

– Я слышал про старый пансионат рядом с Байкалом. Там вроде как «каждый домик обладает своей скважиной, и никакая болезнь не сможет вас одолеть».

– Хм. Хороший вариант. Ещё что?

– Можно податься в какой-нибудь маленький городок, куда болезнь не успела добраться, и попытаться там разжиться машиной получше. Жилым вагончиком, например. Или трейлером. И жить прямо в нём.

– Нет. Здесь тебе не Америка, вагончиков дефицит. И, если и есть они, то уже равно угнаны. Мы с тобой не одни такие умные. И вообще, это странно, что мы до сих никого не встретили.

– Что тут странного? Эпидемия. Не все заразились, а только некоторые. Большая часть народу просто умерли.

– Как это?

– А вот так: либо ты мертвяк, либо живой, либо заражённый. Прочего не дано.

– То есть, мы не можем быть точно уверены, что не заражены?

– Ага. Поэтому к людям нам выходить опасно. Все хотят жить. Они даже разбираться не станут, кто и откуда. Пристрелят просто издалека и все дела.

– Значит, нам нужно место, где людей нет. И твой вариант с пансионатом не подходит.

– А там нет людей. Его консервируют до мая месяца. А сейчас только начало апреля.

– Отлично. Ты знаешь дорогу?

– Откуда?

– Значит, дороги мы не знаем. Нам нужны карты.

– Заправка. Там они точно есть.

– Отлично. Едем от столицы в сторону Тюмени. На первой же заправке берём карты.

– А потом?

– А потом посмотрим...

– Так, нам потом сюда, а потом налево. И вообще, выезжай из леса на дорогу, – Бубен оторвался от карты и задумчиво посмотрел на Нику, – Ты чего? Я же сказал – на дорогу.

– Тут нельзя.

– Как это?

Но девушка уже дала задний ход, ловко разворачивая машину. И тут сзади раздался вой. Многоголосый. О багажник ударился первый волк. Удар по газам – и машина уже бежит с приличной скоростью, стараясь оторваться.

– Смотри карту, нам нужно выскочить прямо на большую дорогу.

– На дорогу? И как ты себе это представляешь? Они нас догонят на ровной местности.

– Никогда животное не победит человека. Прибавим скорости, и они отстанут.

– Они пойдут по следу, это же волки!

– Да откуда ты всё знаешь?!

– Я читал.

– Ааар! – и Ника резко рванула руль вправо, выезжая с тропинки на асфальтовую дорогу, – Я всегда думала, что книги – это полезно. А на самом деле – это зло. Крути карту, ты же вроде этому учился! Найди мне выезд на трассу!

Волки приближались. Стая была небольшая, но это не делало её менее опасной. По крайней мере, вожак, с капающей изо рта слюной выглядел весьма устрашающе.

– Я не могу!

– Тогда брось свою карту и рассмотри волков! Мне нужно знать, обычные ли это волки!

– А они могут быть необычными?

– Если они заражены, то нам придётся покинуть эту область и уходить дальше в леса.

– Хорошо, – и он обернулся, перелезая на заднее сиденье, – Они... Ника, я не хочу тебя пугать, но тут не только волки.

– Что?

– Я говорю: тут не только волки.

– А кто ещё?

– Люди.

– Как это?

– Заражённые с ружьями. Прибавь газу! Если они догонят – нам конец!

– Они передвигаются с той же скоростью, что и волки?

– Если бы... Они быстрее...

Как они вырвались, Ника так и не поняла. Ловушка была сделана очень умело: или у самих заражённых появился разум, или кто-то ими управлял. Как только они покинули лес, выскочив на дорогу, то заметили несколько машин, сложенных в баррикады. И там их уже ждали. Но девушка решила рискнуть и опять нырнула в лес. Земля была влажная, и наполненная машина снизила скорость, угрожая вообще завязнуть по самые боковые зеркала. Бубен что-то кричал с заднего сиденья: его подбрасывало на каждой кочке и прикладывало о коробку с консервами. В багажнике тоскливо стучали друг об друга стеклянные бутылочки со спиртом: их Ника берегла на самый крайний случай и старательно обматывала шарфом, который сейчас куда-то делся.

– Бубен, лезь в багажник и проследи, чтобы ничего не разбилось!

– Ты уверена, что это – хорошая идея?

– Я ни в чём не уверена!

– Тогда я тут останусь.

– Но там же спирт!

– Ничего, другой найдём.

И сразу же, будто отвечая на его слова, грянул выстрел и в багажнике что-то жалобно звякнуло. Поплывший по салону запах спирта подсказал: надеяться не на что, бутылкам конец. Бубен на заднем сиденье перекрестился.

– Ты верующий?

– Да какая разница! Главное – выжить.

– Отлично, так на могиле и напишем, – хмыкнула Ника.

Машина в последний раз ударилась колёсами о кочку и неожиданно легко пошла, стремительно набирая скорость. Девушка покосилась на спидометр: почти 150, и аккумулятор машины заряжается лучше прежнего. Заражённые остановились, будто упёрлись в стену, и даже не пытались стрелять. На всякий случай отъехав подальше, Ника остановилась и вывалилась из машины на траву. Рядом упал Бубен с половинкой бутылки в руке. По оценке девушке, там была где-то четверть. Всё было понятно без слов. Приложились по очереди, стараясь не поранить губы об острый край. Но на второй глоток Ника стеклянную тару не отдала.

– Что это за место такое?

– Магнитная аномалия. Не знаю, что это значит, но, если это так, мы спокойно можем здесь жить.

– О чём ты говоришь?

– Когда... Когда мать погибла, я попытался вытащить сестру и заметил, что заражённые боятся магнитов. Причём не только больших. Магнетик от холодильника приводит их в такой ужас, что это даже смешно. Они отступают, едва его чувствуют.

– Значит, предлагаешь здесь устроиться?

– А что – неплохое место, – он покосился на остатки спирта, но промолчал, – Можем домик построить, там, землю копать, кур завести.

– Я не знаю. Ведь однажды они всё-таки не побоятся подойти. И нам конец.

– Значит, нам конец. Нельзя же всё время прятаться и убегать. К тому же, здесь нет других людей, а это тоже плюс. Никто нас отсюда не выгонит. Место дикое, прямо рядом с ловушкой заражённых. Никто не сунется по доброй воле, а если кто и сунется – сам не рад будет. У нас же есть ружье.

– Значит, останемся здесь...

Им повезло, по крайней мере, там они думали: удалось найти старый советский бункер, и даже открыть дверь. А вот дальше начались проблемы. Шагать в темноту накануне ночи, когда всё вокруг было освещено только луной, им не хотелось. А фонарик категорически отка-

зался работать в таких условиях, на прощание подарив силуэт уходящих вниз ступенек. И их было явно больше пяти.

– Я отказываюсь идти туда один, – заявил Бубен, демонстративно поднимая вверх руку с умершим фонариком, – Даже он испугался.

И, пользуясь тем, что Ника промолчала, с размаху запустил несчастный прибор в ближайšie кусты. Повисла тишина.

– Я что-то не то сделал, да?

– Не то слово. Поднимайся и иди искать.

– Ни за что! Там темно!

– Фонарик – вещь нужная, тем более – на солнечных батарейках. Это, можно сказать, дефицит, а ты его выбросил.

– Но он же всё равно не работает!

– Во-первых, мы не знаем, будет ли он работать. Вполне возможно, что это временное явление, и свет снова появится, едва мы покинем зону аномалии. Во-вторых, даже если он не начнёт работать, мы сможем использовать его как дубинку, или, на худой конец, разобрать на части.

– То есть, подождать до рассвета мы не можем?

– Если ты думаешь, что темнота – это оправдание, то ты ошибаешься. Я сейчас слишком устала и раздражена, чтобы с тобой спорить, – отрезала девушка и пошла к машине, – Если вернёшься без фонарика, ночевать будешь на травке, а не в машине...

Он возился так долго, что Ника даже начала беспокоиться. Наконец, она не выдержала и открыла дверь. Звуки в ту же секунду стихли. Послышались медленные шаги. Девушка осторожно прикрыла дверь, и достала топор. Если мальчишку съели, нет смысла соблюдать тишину – через три минуты все, кто пришёл в зону аномалии, будут здесь.

Грязная рука вцепилась в край двери. И тут раздался рык...

Возможности человеческого организма неопределимы, но всё же не безграничны. Бубен сидел на железной трубе, а Ника мазала ему щёку йодом. Мальчишка ныл, выворачивался и иногда хныкал. Но на неё это не оказывало никакого эффекта. Она была слишком зла, чтобы кого-то жалеть, тем более, после такого дурацкого случая.

– Я не виноват, я не думал, что всё так обернётся, – в очередной раз проблеял Бубен и жалобно на неё посмотрел, – Я просто хотел подкрасться тихо и напугать. Откуда же я знал, что ты так отреагируешь? Вроде добрая с виду, слабая, а вдарила так, что искры из глаз посыпались.

– Не надо мне тут это в вину ставить. Я защищалась от нападения мертвеца. А тебя вообще убить мало. Надо же было такое придумать!

– Да не придумывал я ничего, это в фильме было, ну... как его... В общем, там зверь убил в кустах человека и подкрался к машине. Постучал в окошко и дождался, чтобы ему открыли. И...

– Что замолк? Что же с ним дальше-то было?

– И получил выстрел в упор из ружья.

– Так, и что же ты вынес из данной истории?

– Нельзя давать тебе ружьё.

– Да ладно! – Ника закрыла баночку и слезла с трубы, – Скажи спасибо, что я не успела топор схватить, а то бы сейчас пришлось копать, точнее – закапывать.

– Спасибо...

Выход из ситуации они всё-таки нашли. Мальчишка, как оказалось, долго копался, потому что нашёл длинную палку и намеревался сделать факел. И, едва вопрос с внезапный нападением был решён (Бубну досталось, а Ника сделала пару глотков воды), они занялись реализацией задачи. Самодельное устройство пахло бензином, низ палки пришлось намочить чтобы сразу не сгорел, а ткань постоянно норовила размотаться, одна главную задачу – дать свет – факел выполнил. Они спустились вниз, преодолев двадцать четыре ступеньки и оказались на перроне. Рядом стоял вагон с мягкими сиденьями, на стене светились часы. Они вообще здесь были единственным, что светится. Остальное было погружено во мрак, который разбавлял только тусклый жёлтый свет от факела в руках Ники. Бубну давать в руки горящую с одного конца палку девушка побоялась. Не вызывал он у неё доверия после последнего инцидента. Вдруг опять решит поиграть и затушит единственный источник света. С одной стороны, она отлично понимала, что подобной глупости в голову к умному мальчишке прийти просто не может, а с другой стороны: не дай бог придёт, они же потом не выберутся отсюда никогда, так и будут бродить по бесконечным тёмным помещениям от стены к стене, судорожно пытаясь найти выход. И даже рассвет им не помог бы, потому что дверь (во избежание казусов) было решено закрыть.

– Что будем делать? – голос Бубна раздался прямо из-за спины, так что Ника в очередной раз вздрогнула, – Возьмём что нужно и уйдём?

– Есть другая идея. Как думаешь, сколько наша машинка сможет проехать без солнечного света?

– Ну, километров триста-четырееста. А что, хочешь загнать её в туннель?

– Да, было бы неплохо. Если другие выходы, довольно далеко отсюда, где может не быть мертвецов, или куда они пока не добрались. А мы доедем туда под землёй, ведь они не умеют использовать даже примитивные оружия труда.

– Я бы так не сказал. Те, что гнались за нами, умеют пользоваться ружьями, приручили диких волков и придумали отличную ловушку. Они и сюда, в конце концов могут прийти. Им не нужно спать, и у них скорость больше нашей. И грузоподъёмность. А мы без машины далеко не убежим. К тому же, – он расставил руки, измеряя ширину двери, – Как ты собираешься припихнуть сюда машину? Это же невозможно.

– Ты прав. Но, как ты думаешь – их умения связаны с аномалией?

– Э... это довольно сложный вопрос.

– Просто, если да, то мы могли бы остаться здесь и подождать. А потом попробовать договориться. Если они так быстро обучаются, то рано или поздно начнут осваивать речь. Буквально пара месяцев и мы сами сможем научить их говорить, как маленьких детей.

– Не думаю. Или тебе кажется, что с развитием у них отпадёт привычка есть?

– Хм... Может быть, ты и прав. Но я всё равно буду надеяться, что мы сможем жить в мире. Иначе людям не выжить.

– Надейся, что нам ещё осталось?..

Утро встретили сидя на капоте машины и ожидая, пока она полностью зарядится. Солнце приятно грело и гнало из головы дурные мысли. Листик зелёного салата на завтрак помог смириться с чувством голода, но урчание в животе не прекратил. Ника, сложив ноги по-турецки, пыталась отвлечься от проблем. Бубен, весело шелестя пачкой с конфетами, сыто улыбался. Бросить ребёнка голодным Ника не смогла, но выдать ему что-то из сытных продуктов не позволила жадность. Впрочем, его это не сильно огорчило.

– Куда поедет дальше?

– Не знаю. Есть мысли на это счёт?

– Там должно быть мало людей, но присутствовать что-то, что можно использовать. Урал? Но я бы не хотел, да и климат там...

Ника приоткрыла один глаз. Прошедшие вместе через подобные испытания люди обычно сближаются. И влюбляются. Она покосилась на мальчишку. Маленький, слишком маленький для всей этой заварухи. Ему сейчас надо прогуливать школу, в игры играть, первый раз влюбиться, поцеловаться, ругаться с родителями, а он тут, с ней... От монстров бегают, жизнь свою спасает. Две недели назад на его глазах разорвали на части сестру, неделю назад выбросили из машины прямо посреди леса, вчера чуть не застрелили. И всё это время страшно и хочется закрыть глаза и чтобы всё это было только сном.

«Ты сама не лучше, – услужливо подсказал ей внутренний голос, – Должна сейчас сидеть на работе, строить глазки коллегам и хихикать в интернете. А ты – вся грязная в лесу, неизвестно где, с мальчишкой каким-то левым. Ты даже не знаешь, как его зовут. Волочешь с собой кучу вещей, как будто они будут тебе нужны на том свете. Ты и раньше так за собой волокла прошлое, не могла отпустить...»

– Доставай карту, там должны быть пометки с аномальными зонами.

– Думаешь?

– Аномальные зоны во все времена были в первую очередь туристическими объектами. Их просто не могли не нанести на карту. Тут ещё поблизости должны быть горячие целебные ключи. Мы уже давно без воды, нужно помыться. Если они в зоне аномалий – вообще отлично...

До ключа оказалось три минуты пешком, он находился прямо в центре аномального пятна, так что и само появление аномалии можно было с ним связать. Бубен вытребовал у Ники кусок ткани в половину своего роста и ушёл в кусты. Сама девушка осталась у машины. Телефон почти сел, его надо было поставить на зарядку, машину тоже стоило проверить. И пересчитать бутылки со спиртом: во время отрыва от преследователей там что-то звякнуло довольно сильно. Бубен мог и не рассказать, чтобы не травмировать раньше времени, с него станется...

Разговор с матерью не клеился. Ника отчаянно старалась выяснить, что у них там происходит, но мать только отнекивалась и всё норовила закончить разговор. Голос дяди Миши на том конце без остановки бубнил про «на вас не напасёшься». Особенно насторожило девушку то, что мать вместо обычно «давай» в конце разговора сказала «не приезжай, нам тут не рады»... Однако последовавшие за этой фразой быстрые короткие гудки помешали девушке начать расспрашивать...

После «времени мойки» Ника глобально озаботила Бубна: скоро предстояло уезжать, и, какой бы план они не выбрали, с зомби, рано или поздно, столкнуться всё равно придётся. И лучше быть к этому готовыми. Хотя бы морально. Так что мальчику был вручён целлофановый пакет и пожелания скорейшего возвращения хоть с чем-нибудь. Сама же девушка оторвала кусок ткани и направилась в сторону озера. План был прост: пока озадаченный парень будет бродить по полю и рассматривать камни, можно спокойно помыться.

Поплескаться вдоволь Нике не дали. Сначала лиса, игнорируя человека, напилась воды, потом птицы решительно кружили над озером, но так и не сели. Наконец, больше десяти минут подозрительно шелестели и качались кусты, пока из них не выпрыгнул насмерть перепуганный заяц. Кто его напугал стало ясно через секунду: раздвигая ветки, на полянку вышел Бубен. Ника собрала ртом побольше воздуха и нырнула на дно. Через воду она наблюдала, как размытый красный комок остановился у самой кромки воды и взял в руки ткань, обернулся, никого не нашёл и удалился. Наконец, она смогла выбраться из озера и первым делом замоталась в ткань по самое горло: одежду Бубен унёс с собой, а вот ткань оставил. Девушка уже собиралась вернуться к машине, когда сзади раздалось грозное «Ррррыыы!». Мокрые ноги разъехались в разные стороны на таких же мокрых камнях и она оказалась на четвереньках спиной

к опасности. И, лишь почти уткнувшись носом в камни, Ника увидела то, что должна была увидеть уже давно: они были чёрными.

– Ты чего? – не выдержал первым парень, – Это же я. Что, опять напугал?

– Гематит.

– Где?

– Под ногами. Это не камни, это – гематит. Именно поэтому тут такая аномалия. Она не электрическая, а магнитная. Всё это время разгадка была у нас под носом: зомби не любят магниты, и в это место не ходят.

– И что?

– Гематит – это природный магнит. Камень, обладающий частью металлических свойств. Гладкий, с характерным блеском, чёрного или тёмно-серого цвета. Легко обрабатывается водой.

– То есть...

– Принеси мешок, там в багажнике должен быть. Мы возьмём камни с собой. Теперь, когда мы разобрались с этим, наберём столько, сколько сможем увезти не теряя скорости.

– И чем это нам поможет?

– Нам скоро придётся покинуть безопасную зону. Но что нам мешает самим её создать? Если набьём машину камнями, то сами превратимся в аномалию.

– И сможем не бояться зомби?

– Да.

– Командуй.

– Ну, для начала верни мне мою одежду...

Они покинули зону через четыре часа, набив всё свободное пространство в машине гематитом. Так же тёмные камни теперь были распаханы по карманам: рисковать собой во время выхода в туалет в лесу или на дороге никто не собирался. Ехали весело, не снижая скорость и ни разу не встретив на своём пути зомби. Может, поэтому Ника так расслабилась, что не уловила тот момент, когда дорога кончилась и началась грязь. Машина забуксовала и попыталась завязнуть. Девушка сдала назад, что привело только к тому, что задние колёса погрузились в вязкую глину полностью.

– И что теперь делать? – спросил Бубен, вышедший из машины вслед за Никой, – Толкать?

– С ума сошёл? Как ты собираешься её вытолкать? Силой мысли?

– А троса у нас нет?

– Ты – ребёнок, я – слабая девушка. Кто их нас будет вытягивать загруженную машину из глины?

– А что тогда делать?

– Доставай воду, польём вокруг задних колёс глину так, чтобы она немножко утробовалась, не захватывая колёса намертво. Потом немного подождём, глина засохнет и мы спокойно поедим дальше. Недавно был дождь. Смотри, кусты ещё мокрые, так что сейчас солнышко выглянет и...

Будто в насмешку, небо над их головами стало серым и разразилось серией громовых раскатов...

– Никакого солнышка не будет, – зло пояснил Бубен через три часа в машине, – Мы обречены остаться тут навечно. Машину за ночь засосёт по самую крышу, мы не сможем выбраться и умрём здесь в одиночестве.

– Мы скорее умрём от голода. Продукты-то не вечные. К тому же, не надо лишней паники. Может, оно и к лучшему: мы ведь не знаем, что там за поворотом, а уже начинает темнеть. Нужно будет остановиться на ночь неизвестно где. А мы даже не знаем, где сами находимся.

– Ты сейчас пытаешь меня убедить, что всё в мире – это призыв для оптимизма?

– Я сейчас пытаюсь тебя убедить, что если ты не замолчишь, я выгоню тебя ночевать на улицу под дождь.

– Ты не сможешь выставить ребёнка.

– Уверен?

Повисла тишина.

– То есть, можно укладываться?

– Укладывайся, а я немного почитаю.

– Не, давай лучше музыку включим. Неохота бояться.

– Так не бойся и всё, – отрезала девушка, однако музыку включила и откинула своё сиденье, – Всё, спать...

– Ника, а что бы ты сделала, если бы тебе сказали, что любое твоё желание могут исполнить?

– В смысле, чего бы я пожелала?

– Да.

– Не знаю. Сейчас или тогда?

– Тогда.

– Наверно, мне бы хотелось, чтобы люди перестали использовать друг друга и поняли наконец, что каждый имеет право на ошибку и изъян. Что все мы не идеальны, и только полный идиот будет искать чужие ошибки ради пестования себя самого. Ведь совсем сложно иногда остановиться и сказать: «извини, я виноват». Ты как думаешь?

– Ммм?

– Спи, спи, не буду мешать...

Как и ожидалось, утро встретила их солнечным светом и полностью высохшим верхним слоем грязи. Дождь, всю ночь стучавший по крыше машины и мешавший Нике спать, как оказалось, сыграл на руку, и теперь они могли спокойно выехать из вчерашней грязи и отправляться дальше. Но вот куда «дальше» встало перед ними нерешаемой задачей, поэтому они решили добраться до ближайшей полянки и там устроить завтрак...

– То есть, ты считаешь, что выходить к людям не стоит? – Бубен попытался оторвать вилкой кусок от ножки курицы, но не слишком преуспел, – Но мы одни не выживем, потому что рано или поздно придётся всё-таки пополнять запас продуктов. Да и не вечно же нам быть «на колёсах». Согласись, мы мобильны, но именно в этой мобильности и заключается наша слабость. Едва мы потеряем машину, и наши дни сочтены. Для существования нам нужно где-то укрыться и что-то съесть. А чтобы что-то съесть, нам надо это «что-то» поймать. А это без подручных материалов даже выглядит трудно.

– Ну, с курицей проблем не возникло, – возразила ему девушка, впиваясь зубами в крылышко, – Мы её легко поймали.

– Она была ручная, не боялась людей, просто играла, да и то мы её вдвоём десять минут по поляне гоняли, – поняв тщетность своих попыток, он решительно отложил вилку в сторону и последовал примеру Ники, – Что же будет, если мы решим поймать, например, дикую куропатку? Ты только представь, сколько будет проблем.

– Да... И что ты придумал?

– Нам нужно место, где жить. Желательно – в центре аномалии. И там должно быть хорошее крепкое строение, которое выдержит любую катастрофу. Но при этом там должен быть постоянный источник пищи. Идеально, чтобы это было мясо. То есть, это должен быть комбинат.

– Судя по всему, у тебя уже есть место на примете?

– Ну, эта курица явно жила в месте, где могла видеть людей. Но при этом домашней она совсем не выглядит. Мой вариант – птицеферма или комбинат.

– Предлагаешь пойти на разведку?

– Это самое лучшее решение.

– И, если мы найдём то, что нам подходит, что будем делать? Ведь надо не только создать, но и сохранить. А это намного сложнее.

– С учётом последних наших открытий, мы можем устроить аномальную зону где угодно. Но лучше всего её сделать там, где максимальное количество зомби, потому что тогда никто не сможет прийти и отнять у нас всё, что мы создадим. Зомби собираются стаями только там, где есть еда. Я думаю, что вокруг фермы их много...

Зомби вокруг фермы оказалось не просто много, а **ОЧЕНЬ** много, и их спас только гематит. Если бы сунулись к зданию без него, то живыми бы точно не вырвались. А так, едва они подходили на расстояние трёх шагов, как заражённые судорожно шарахались в разные стороны, стараясь покинуть помещение как можно быстрее, иногда для этого даже подминая под себя своих же сородичей. Ферма оказалась даже не фермой, а огромным комбинатом, где камеры для птиц соединялись желобами с контейнерами для корма, а автоматические поилки продолжали подавать воду даже сейчас. Здание было явно заброшено после эпидемии, но все двери были целы. В любом случае, главное они поняли: это место им подходит...

Ника подогнала машину ко входу и быстро выгрузила камни, выложив из них большой круг, в центр которого и должны были быть помещены вещи. Ей предстояло сделать ещё несколько поездок до озера и обратно и набрать гематита, чтобы уложить его в стены изнутри.

– Так ты не сможешь определить аномалию даже с помощью компаса. А она могла бы привлечь к нам нежеланных гостей. Зомби хватит и этого слабого сигнала, потому что они чувствуют подобное намного лучше любых приборов, – объяснил Бубен подобное расположение гематита, – Но того, что есть у нас сейчас, будет мало. Нужно больше. Езжай туда и возьми...

До конца недели они сумели выгнать всех зомби из здания и вставить в стены столько гематита, чтобы спокойно передвигаться. Завод, оборудованный всем необходимым для проживания, без них бы начал загибаться, поэтому они со спокойной душой тратили последние капли энергии на то, чтобы помыться и привести в порядок несколько клеток. Единственная выжившая курица, которую удалось найти в подвале в старой коробке из-под бананов, была слишком маленькой и вялой для того, чтобы не только давать яйца, но и просто выжить, так что им пришлось взять её к себе в жилые комнаты и несколько дней следить за тем, как она себя ведёт. На третий день курочка окрепла, а на четвёртый выдала своё первое заинтересованное «ко-ко», увидев в руках у Бубна кусок белого хлеба. Пока она шла на поправку, они судорожно пытались найти способы её прокормить. О том, что куры жизненно необходимы, разговора даже не шло: это было непреложной истиной. Но вот то, что их придётся ещё и кормить, стало для таких неопытных разводчиков, как они, настоящим откровением. А меж тем, курица навернула несколько кругов по комнатам, заглянула под кровать и нашла для себя очень удобное место – на единственном на всём заводе целом стуле. Там она и снесла первое яйцо, которое они несколько минут передавали друг другу из рук в руки, рассматривая и свыкаясь

с мыслью, что теперь у них появился реальный шанс выжить. Тогда-то Ника и озвучила то, что гложило ей всю неделю, несмотря на радость от вида новой «крепости»:

– Нам срочно нужен петух.

– А без него, что, яиц не будет?

– Яйца будут, а новые куры – нет.

– И где его взять?

– Надо поискать в лесу, наверняка тут был хоть один петух, когда случилась эпидемия.

– Если он тут и был, то его съели первым: он же каждое утро выдавал своё местоположение.

– Значит, нам нужно быстро найти другого. Иначе вся идея застопорится в самом начале.

– Да откуда я его сейчас возьму?

– Нам и не нужно ничего брать: зомби нам его найдут.

– В смысле?

– Сорви плакат со стены и возьми яйцо, пойдём попробуем договориться с «соседями» о доставке необходимых продуктов...

Зомби встретили их настороженно. Нет, они не бросились, только столпились кучкой у самого края леса и что-то бурчали друг другу.

– Смотри, они общаются, – прошептала Ника мальчику, – Разворачивай плакат, будем пробовать.

– Смотрите! – начала свою речь девушка, заметив, что заражённые оживились при виде еды, – Это сможет нас всех прокормить. Только нужно достать его, и мы все получим это, – она достала из кармана яйцо и продемонстрировала. Оживление стало сильнее, к ней потянулась пара рук, – Я буду давать вам это каждый день, если вы принесёте мне это, – и ткнула пальцем в плакат.

Потом девушка перед сном долго лежала и думала о том, почудилось ли ей, что один из заражённых смотрел на это действие вполне осмысленным взглядом, а под конец даже согласно кивнул...

Утром её разбудил встревоженный Бубен, который тряс девушку так сильно, будто хотел оторвать ей руку. Но все сомнения прошли, едва Ника поняла, ЧТО он говорил всё это время. Заражённый принёс на границу леса петуха. Живого. В коробке. И, видимо, он ждёт платы за свои труды, но ближе подойти не может. Сколько он там стоит, неизвестно, но самого мальчишку разбудил бешеный крик птицы, которая, непонятно зачем, оповестила всех, что за лесом встаёт солнце. Пока Ника одевалась, Бубен не прекращал говорить:

– ...и мы сможем держать пять, нет, десять кур и будем даже зимой жить сыто и тепло! Представляешь...

– Спокойно, не впадай в такой экстаз. Нам нужно будет ещё чем-то накормить твои десять кур, чтобы сыто и тепло жить. Да и платить за петуха чем-то придётся. Курица уже снеслась?

– Так ночью ещё. А как петух закричал – всполошилась и начала кудачтать.

– Узнала. Бери яйцо, пошли менять.

– А может – просто отнимем?

– Как ты себе это представляешь?

– Ну, подойдём, он отойдёт подальше...

– ...вместе с коробкой. Этот заражённый – не такой дурак, чтобы купиться на подобный развод. Он очень умный, раз смог понять не только предложение, но и выгоду от него. Бери яйцо и пошли...

Он стоял на самой кромке леса и смотрел на них своим осмысленным взглядом. И молчал. В принципе, слова были и не нужны. Девушка сделала шаг к лесу, заставив его попятиться, и отошла назад, оставив яйцо в траве. Он осмотрел товар едва ли не более тщательно, чем они сами за две минуты до этого. Даже на свет проверил. Наконец, кивнул и в свою очередь отошёл назад.

Петух оказался жив. Более того: он жаждал мести, поэтому начал кудахтать и дёргаться, едва коробка оказалась в руках у Бубна. Не обошлось без травм: едва мальчик попытался взять коробку, просунув руку в дырку, как тут же закричал и принялся дуть на пальцы: клюв у нового жильца их «крепости» оказался острым...

Кур посадили в клетку: петух был буйный и принять то, что главные здесь они, отказывался наотрез. Так что за яйцом следующим утром, пришлось идти с палкой в руках, но и это не спасло: Бубен явился из клетки с раскорябанными до крови ногами и взглядом, полным обещания скорой мести. Однако, несмотря на все трудности, это дало свои плоды: курочка из гнезда не вышла, а петух никого в ней не подпустил. Значит, процесс пошёл...

Ровно 21 день, пока яйцо не превратилось в милого жёлтого цыплёнка, они прожили в аду: каждое утро приходилось встречаться с заражённым и как-то объяснять, почему опять с пустыми руками. А тот только молчал всё время, спокойной глядя на них, и оставалось только гадать: то ли всё понимает и смирился, то ли решил, что его дурят. Наконец, в тот день, когда курица снесла первое после высиживания яйцо, они отправились к краю леса, прихватив с собой не только яйцо, но и здоровенный шмат закопчённого мяса, найденный в одном из отделений подвала-холодильника...

Вообще, место оказалось достаточно неплохим. Хотя и было непонятно, что в этом виновато: раньше, до эпидемии, место наверняка было оживлённым, потому что такое предприятие требовало большого количества рабочих рук. Но, куда потом делись эти рабочие. Бубен, как оказалось, тоже озаботился этим вопросом.

– Все, кто выжил, были съедены. А кто заразился – сейчас в лесу. Только этим можно объяснить такое запустение при полном отсутствии грязи: рабочие покинули это место совсем недавно.

– Как думаешь – они вернуться?

– Вряд ли. Они забрали с собой всех кур, уехали на большом грузовике. И корма ни крошки. Энергия вся на нуле. После такого обычно не возвращаются. Да и заражённые тут бродили как у себя дома, значит – привыкли уже и никого не искали. Разве бывает такое, когда рядом люди?

– Ну, с нами они тоже вполне спокойно себя ведут...

– Потому что у каждого из нас минимум килограмм гематита в разных частях одежды закреплено.

– Может быть, ты и прав.

– Ты стала что-то слишком часто использовать эту фразу.

– «Может быть»?

– Да. Ты не уверена в себе?

– Я ни в чём не уверена. Мир вокруг рушится, и мне не удаётся найти себе в нём новое место. И вообще не совсем понятно: когда они съедят всё, что смогут, что дальше будут делать?

– Жить. Как мы жили. Вспомни, на первых этапах развития человечество тоже напоминало саранчу.

– Но, мы не возникли на руинах прошлой цивилизации...

– Мы не можем этого знать.

– Интересная теория. Но она совсем не объясняет наших проблем. Вторая курица снова начнёт нестись недель через шесть. А до этого придётся либо ещё раз посадить высидивать первую, либо снова попытаться договорить с зараженным о парочке новых кур.

– Думаешь, получится?

– А почему нет? – хмыкнула девушка, – В прошлый раз же получилось...

Вечером они никуда не пошли: Ника вдруг ни с того ни с чего начала кашлять и буквально за несколько часов оказалась настолько слабой, что не смогла встать. Бубен сидел рядом с ней всю ночь, но легче не стало. А утром оказалось, что за ночь первая курица снесла яйцо, но сели высидивать его вторая, которая сама была чуть больше этого самого яйца. Однако, отнять яйцо не получилось и мальчик решил оставить всё как есть. Он немного побродил по территории внутри забора, сгрёб грязь и мусор в одну кучу, помахал рукой нескольким заражённым, которые заинтересованно заглянули через дыру в заборе (отчего они постарались как можно быстрее убраться подальше), помыл пустые клетки и спустился в подвал, откуда они до этого взяли кусок мяса. Ника до сих пор ни разу не спускалась сюда сама. И причина была вполне рациональной: она не могла поручиться за свой желудок. Потому что за слоем прозрачной плёнки лежали рядами освежёванные человеческие тела...

Бубен работал тут всё время, пока Ника снова не встала на ноги, за это время (что удивительно) вторая курица выросла до взрослого размера и теперь сидела на целых шести яйцах. Заражённый за обещанными яйцами не явился ни разу, что было вполне объяснимо: он прождал впустую почти три недели. Возможно, у него появились более важные дела. Но это было не важно: важны стали только человеческие тела, полностью лишённые кожи. Больше всего мальчика интересовало: заражённые это или здоровые. А, если и те и другие, то чем они отличаются?

За три недели он нашёл только один ответ: у здоровых сзади на шее был маленький след, будто от укуса. Возможно, это ошибка и маленький комочек непонятного вещества – просто чтобы отличать тела здоровых от заражённых? Значит, он есть только у зомби, или наоборот? Столько ответов и ни одного вопроса! Это уже начинало бесить! И ещё Ника, только поднявшись с постели, сразу же начала рваться к своему заражённому. И не то чтобы Бубен ревновал. Совсем нет. Просто он считал, что заражённые – уже не люди, и так полагаться на них – просто глупо. К тому же, это стало уже похоже на поклонение и восхищение. При том, что они не перекинулись и парой слов. Возможно, он просто и не умеет говорить. И завтра она снова будет с самого утра проситься пойти, поговорить, объяснить... Как же бесит! Ведь рядом с ней живой, настоящий человек, а она бежит к какому-то мертвецу. Все они мертвецы. С того самого момента, как заразились. И ревность тут совсем ни при чём. Просто у Ники есть иммунитет к этой болезни. На самом деле эта болезнь не убивает – она не даёт умереть...

– Как ты себя чувствуешь?

– Я не знаю. Какие-то странные ощущения. Я чувствую себя совершенно здоровой, но при этом невероятно слабой. Будто мне сказали, что я могу летать, но не дали крыльев. Ноги ходят, но они как будто совсем не мои.

– Это временно, ты просто не до конца оправилась от болезни.

– Мне так плохо.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Ты можешь рассказать мне что-нибудь интересное?

– О чём?

– О чём угодно. Я устала от этого мира, устала постоянно быть настороже, быть готовой обороняться, бежать, стрелять и снова обороняться. Я не создана для этого мира.

- Мы все не созданы для него.
- Так ты расскажешь мне что-нибудь?
- Да.
- Точно?
- Обязательно. А сейчас – спи...

- Мне страшно.
- Чего ты боишься?
- Всего. Я будто снова становлюсь маленькой и слабой. А ещё у меня болит голова.
- Сильно?
- Да. Виски как будто разрывают на части.
- А вот я сейчас тебя поглажу и сразу станет легче.
- Точно?
- Да...

- Почему ты не даёшь мне просто туда сходить?
- Ты ещё не до конца восстановилась. Мы не можем так рисковать.
- Чего ты боишься?
- Я боюсь, что ты опять заболеешь, или, хуже того, подцепишь что-нибудь.
- Раньше тебя это не пугало. Мы даже в озеро забрались. И ничего подобного не случилось. Я уверена, что всё будет хорошо.
- К сожалению, в данном случае одной уверенности мало...

Её речь с каждым днём становилась всё проще, исчезли сложные обороты, голос начал медленно терять краски, движения замедлились. Всё, что раньше указывало на наличие разумной жизни, исчезло. Реакция зрачков была настолько замедлена, что при поднесении фонарика, приходилось ждать больше десяти минут, пока глаз начнёт изменяться. Руки почти потеряли чувствительность, но куры начали слушать беспрекословно, будто понимая её молчание по-своему...

Дни слились в один сплошной поток. И, если Ника ещё хоть как-то соблюдала режим, потому что вынуждена была следить за курами, то Бубен начисто игнорировал все законы жизни. Он мог запереться в бывшем кабинете директора и подолгу изучать те дневники работников, которые там обнаружил. Там описывались первые дни эпидемии. В тот момент здесь было полторы сотни работников, но они не встретили никого. Последняя запись дневника директора рассказывала о том, что он собирается сходить к лесу, чтобы посмотреть как обстоят дела в городе. Тот приговор позволял подойти очень близко и остаться незамеченным.

Ещё в дневнике описывали первые этапы заражения у людей, которые были замечены в контакте с агрессивными больными. Говорить об этом девушке он не стал. Вот уже третью неделю у неё наблюдались характерные симптомы...

Осень встретили довольно сытно: убили одну курицу и сварили на печке, которую привезли с собой в машине, наваристый бульон. Ника ела с видимым удовольствием, а мальчику кусок в горло не лез: всё ещё не был понятно, как жить дальше без электричества, когда на пороге зима, а возможности согреться дровами или бензином нет. Он всё своё время посвящал этой проблеме: прочитал всё руководство из директорского кабинета, проверил склад на наличие дополнительных запасов бензина, даже заглянул в подвал, надеясь найти там котёл. Но ничего подобного не обнаружил...

Дело шло к зиме, стало заметно холоднее, на ночь приходилось включать старый обогреватель. С наступлением первых заморозков было решено взять кур к себе, иначе к весне не было бы возможности выжить дальше. А куры, будто что-то чувствуя, бешено неслись и вылуплялись по три штуки каждую неделю. Петух, раньше настороженно наблюдавший за единственным жёлтым комочком, теперь гордо шествовал в целом облаке облепивших его цыплят. В целом дело развивалось довольно неплохо: Бубен за прошедшие с момента заселения два месяца накопил травы и набрал червей, которые теперь радостно копошились в огромном чане в подвале. В этот же чан сваливались и бытовые отходы, потому что другого места на территории под это просто не нашлось. Состояние Ники то стабилизировалось, то резко ухудшалось, что приводило мальчика в бешенство. Она уже не просилась сходить к своему заражённому, только иногда грустно вздыхала, застыв перед окном...

Первые заморозки встретили обогревателем и безуспешными попытками снова запустить бензиновый двигатель: топливо давно кончилось, а велосипедного движка рядом не оказалось. Бубен только матерился сквозь зубы и укрывал Нику ещё одним слоем ткани. Она перестала вставать, хотя руками двигала вполне свободно. Теперь её не получалось заставить говорить даже угрозами, а всякие попытки накормить она отвергала. Это было непохоже на привычно весёлую Нику настолько, что у мальчика каждый раз что-то замирало внутри, когда она поворачивалась в сторону окна. Каждый её взгляд молил отпустить её туда, хотя ноги уже не слушались.

И однажды она решила всё-таки выйти на улицу...

Он выскочил в тот самый момент, когда она открыла ворота. И с облегчением вздохнул, когда понял, что там никого нет. Тишина и пустота. Ника в последнее время была тихой, иногда за день вообще не произносила ни звука, только куталась в ткань и тоскливо смотрела в окно. Казалось, что это окно по каплям высасывало из неё жизнь. А ещё она начала судорожно кашлять. Крови не было, но всё равно, слыша этот кашель и чувствуя хрипкое дыхание, он чувствовал безмерное чувство вины: не смог, не удержал, не сберёг. А ведь мог вовремя заметить, что не всё так гладко и спокойной, что она замёрзла, что села на холодное, что отдала ему свой ужин. Может, тогда он бы смог заметить и остановить болезнь, которая сейчас медленно выедала её изнутри. А она – если бы она обратилась, что бы он делал? Выгнал бы, опасаясь за свою жизнь или держал бы рядом, тратя еду, и тешась надеждами о возможности излечения? Её, которая столько всего сделала ради человека, который ничем не может ей помочь, даже с теми полными записей тетрадами. Если подумать, то именно она всё это время поддерживала порядок и старалась по максимуму защитить его от тяжёлого и угнетающего труда.

Теперь же она замерла перед открытыми воротами, будто высматривая там кого-то. Лицо её ничего не выражало.

– Ника, что ты делаешь? – воскликнул мальчик, кидаясь к ней, но не успел.

Девушка сделала стремительный шаг вперёд, рывком освободилась от целого кома ткани, в который была закутана, и начала освобождать карманы. Щёлкали застёжки, гематит, тускло светясь, падал на землю. А потом падать стало нечему. Она обернулась и улыбка появилась на лицо, стремительно заливающимся румянцем.

– Мне хорошо. Теперь мне хорошо.

– Что? О чём ты говоришь? Там же холодно! Оденься!

Но она его уже не слушала. Она подняла руку вверх, показывая пальцем в небо, и удивительно чётко произнесла:

– Спасение там.

И вышла за ворота...

Глава 2

Бубну первые два дня пришлось несладко. Долгое время он не мог понять, что произошло, а, когда смог, не смирился, выскочил на улицу и бегал по полю, выискивая её лицо среди заражённых. Но ничего не нашёл. А потом пришло осознание одиночества. Нахлынуло внезапно. Он открыл утром глаза и никому не пожелал доброго утра. Ни с кем не разделил завтрак.

Работать он не смог. Сел перед её окном и долго смотрел вдаль, надеясь, что это была просто шутка и вот сейчас она появится, со своими рассказами и смешинками в глазах. Тишина была его наказанием. Она давила на виски и мальчик начал разговаривать сам с собой. В первый раз он понял многочисленных сумасшедших, которые только и делали, что бормотали себе под нос.

– Как она смогла жить в этой тишине? И зачем? Неужели... – замер он, внезапно прозрев, – Неужели я сам вынудил её так жить? Да, точно! Я постоянно уходил, а она не могла начать разговаривать при мне, потому что я всё время заставлял её спать. Значит, она заболела из-за меня?

На осознание этого факта у него ушла целая неделя. Решение нашлось быстро. Петлю он смог сделать с третьего раза, а на закрепление конца на крюке люстры ушло больше часа. Но это того стоило.

– Я всё равно остался один, – убеждал он тебя, становясь на табуретку перед верёвкой, – Шансы выжить минимальны. Никто не придёт меня спасать. Потому что я никому не нужен. Теперь. Что там полагается говорить в подобных случаях? – он рассмеялся, – Мама, папа, спасибо, что подарили мне жизнь. Мне жаль, что она должна так рано и нелепо оборваться. Прошу никого в этом не винить. Это решение я принял не под давлением обстоятельств, оно тщательно обдумано и взвешено. Всё.

Бубен сделал шаг, но табурет, вместо того, что выскользнуть, перевернулся и подставил ножку. Сам не понимая, зачем, он пытался до тянуться до единственного спасения, вцепившись руками в верёвку и задыхаясь. Спасаясь, он несколько раз дёрнулся на верёвке и люстра, одинокий белый плафон под самым потолком, не выдержал подобного издевательства. Его ударило по затылку с такой силой, что весь мир померк, а перед глазами заплясали звёзды...

Он увидел город, покрытый снегом, с бесконечным рядом одинаковых домов. Людей, спешащих по своим делам, меланхолично настроенных менеджером, мамочек с детьми, упирающимися и кричащими, что не хотят в детских садик. Школьников с рюкзаками, проходящих мимо офисных служащих и стоящих в окнах с чашками кофе в руках только проснувшихся отпускников. Этот мир, находящийся настолько далеко, насколько это возможно, заставил его понять, что он – ничтожество, которое не имеет права жить. Он спрятался, заперся за железными стенами в ожидании смерти, вместо того, чтобы жить полной жизнью, преодолевая всё, радоваться каждому дню и мечтать. Он предал всю свою жизнь.

Вдруг, будто по мановению волшебной палочки, он полетел мимо всего этого великолепия, прямо над крышами, в сторону окраин, где город выглядел не так радужно. Он замер перед стареньким небольшим домом, из окон которого доносилась цветастая ругань. Раздался выстрел и дверь распахнулась, открывая человека со шрамом на всё лицо. Мужчина улыбнулся, сунул пистолет за пояс и прогулочным шагом направился по направлению к центру. Сзади из-за двери ему в спину метнулась чёрная цель. Он вскрикнул, заваливаясь на спину и силясь достать оружие, но острые зубы уже пропороли шею сзади, вгрызаясь в сочную плоть. Из соседнего дома вышла женщина с мусорным ведром. Заметив эту картину, она громко охнула и выронила свою нашу. Синее ведёрко покатилося по дороге, подпрыгивая на каждой кочке и издавая противный скрежет. Вдруг лицо женщины изменилось, она оскалилась

и бросилась вперёд, отталкивая охотника, занимая его место. Теперь окровавленное тело рвали на части уже с двух сторон. Открылось окно на первом этаже и к ним спрыгнул мужчина средних лет в трениках с растянутыми коленками. Но пристроиться рядом он не смог, поэтому медленно двинулся в сторону горящей неподалёку вывески.

Кто-то закричал совсем рядом, замелькали тени. Через каких-то десять минут всё пространство оказалось покрыто трупами и людьми, с упоением в них копошащихся. Где-то зазвонил телефон, раздалось деловитое «Алло, да, я почти подошёл», которое оборвалось визгом на грани ультразвука...

Он снова летел над городом, который теперь не казался таким прекрасным. Совсем недавно выглядящий белым снег покрылся кровью. Она была повсюду: на тротуаре, на подоконнике, на ручке двери магазина. Над городом стоял гул охотников, ищущих свою добычу и крики загоняемых людей...

Приходить в себя было мучительно тяжело. Воздух в пересохшее горло практически не попадал, так что он потёр плохо слушающуюся рукой горло, почувствовав верёвку. С трудом открывая глаза, он размышлял о том, где всё-таки находится, на к однозначному выводу так и не пришёл.

– Для ада тут слишком холодно.

Собственный голос немного привёл его в норму, возвращая сознание нелепыми кусками. Вот он смотрит вслед уходящей Nike, вот закрывает ворота, не найдя её, вот вешает петлю на крюк. Крутящаяся вокруг реальность, наконец, остановилась. Он по-прежнему висел в петле, но ноги уже не дёргались, стараясь спасти ускользающую жизнь. Весь мир как будто перекрасился в другие цвета, став незнакомым и необычным. Он умер, но выжил. Удивительно. Значит ли это что он не может умереть?

– Ты теперь бессмертный, – сказал он сам себе и дёрнул верёвку.

Падение было не слишком болезненным, треск вырываемого из потолка крюка ударил по нервам сильнее, чем стремительно приближающийся пол.

«Будут синяки» – мелькнуло в голове.

Протянув пальцы к ледяной стене, он провёл пальцами по серой стене и ярко-синей полосе на ней.

– Полоса? Зачем она здесь?

Поднял голову. Полоса оказалась концом стрелочки, который уходил к самому потолку и надписи «Спасение там».

– Она говорила это. Значит, она имела ввиду не рай, а крышу! Почему я раньше не догадался?

Он бегом бросился у окну и, распахнув его, уставился на тень от здания. Там, застыв на одном месте, лениво поскрипывал ветрогенератор.

– Боже, она даже в таком состоянии умнее, чем я. И она смотрела не на лес, а на тень, чтобы быть уверенной, что с генератором всё в порядке. А я не понял, и решил, что она спятила напоследок. А она просто не знала, как сказать...

Генератор не был выведен из строя, а просто связан несколькими изолянтами и проволокой. Связывающий постарался на славу и Бубну пришлось попотеть, прежде чем он смог вернуть всё в первоначальное состояние. Но, едва лопасти оказались на свободе, генератор тихонько зашуршал и внизу, в цеховом отделении, заработала автоматическая поилка. В общем, всё указывать на то, что жизнь только начиналась...

Зиму, благодаря генератору, удалось пережить вполне комфортно. Как только появилась электроэнергия, он смог спокойно мыться и поить кур, потому что внезапно в подвале зарабо-

тал насос из собственной скважины. До этого он был просто куском металла, укрытым плёнкой, а теперь подарил возможность не покидать тёплое убежище днями напролёт. Чем Бубен и воспользовался, закрывшись в кабинете, как только стало возможно настроить автоматическую подачу корма из подземного резервуара, который (как оказалось) всё это время был заполнен комбикормом...

Весна принесла новые проблемы: из яиц начали вылупляться не только весёлые несушки, но и упрямые и агрессивные молодые петушки. Теперь за яйцами, которые по-прежнему высиживала только одна курица, приходилось ходить поздно вечером, иначе можно было остаться в очень сильно покарябанном состоянии. Как ни странно, между собой куриное царство не воевало, решая конфликты миром и без разговоров отправляя провинившегося в дальний холодный угол клетки. Сам Бубен несколько раз пробовал найти Нику, но ничего не добился. Заражённых в округе стало намного больше, и он принял это за дурной знак. Поэтому посетил озеро и привёз дополнительный груз камней и две канистры воды, от которой куры начали нестись как бешеные. Грязь, которую он в прошлом году стрёб в огромный чан, чтобы запустить туда червей, неожиданно оказалась очень питательной и выстрелила в разные стороны усами виноградного плюща. Пришлось пересаживать на внутренний двор и создавать из плёнки и металлических трубок подобие теплицы, чтобы всё окончательно не вымерзло...

– Эй!

Бубен поднял голову и огляделся. Во внутреннем дворике никого не было. Но на всякий случай он лучше перехватил лопатку, которой рыхлил грядку. В последнее время, из-за обилия нескольких видов удобрений, овощи разрослись, в теплице им стало тесно. Да и темно: виноград прочно оплёл все прутья, мешая проникать солнечному свету. Вот он и работал каждый день не покладая рук, силясь успеть всё и сразу. Так что этот вполне человеческий окрик застал его с наточенной лопаткой в руках.

– Эй! – снова раздалось где-то ближе, – Эй!

Судя по всему, загадочный гость приближался. Мальчишка, который за зимы неплохо вытянулся, почувствовал себя немного неловко: он даже не видит это первого за три месяца человека. Хотя тот и старательно кричит.

– Эй! – чётко сказала мордочка человеческого ребёнка, появившись над забором совсем рядом, – Эй! – и человек заулыбался, показывая ряд ровных зубов, – Эй!

– Это всё, что ты знаешь? – спросил у ребёнка Бубен, стараясь не улыбаться в ответ, – Или что ещё скажешь? Я, знаешь ли, давно не слышал человеческую речь.

– Эй! Сюда! – и лицо исчезло из поля зрения.

Но на зов Бубен не спешил. Либо ребёнок пережил очень сильный стресс и знает теперь так мало слов, либо он – заражённый, и связываться с ним опасно. Не дай бог заражённые научатся пересекать границу из гематита, тогда ему не жить. Так что парень поднялся на второй этаж и через бинокль тщательно осмотрел группу, столпившуюся у леса. Все они были заражёнными. Но пойти всё равно было нужно: они тонко чувствуют погоду и уже несколько раз выручали, предсказывая сильную грозу, которая могла и сломать лопасти генератора, не обмотав их Бубен изолентой. Вполне возможно, что сейчас тоже что-то надвигается, и они хотят предупредить об опасности. Так что он взял из холодильника коробку с яйцами и направился к кромке леса...

Вернулся обратно он слегка озадаченным: а коробке вместо яиц лежали черви. В принципе, пока он нормально обходился кормом и они не были нужны, но ребёнок так отчаянно предлагал обменяться, что в кой-то веки у Бубна защемило сердце: такой маленький ребёнок не должен был заразиться. Он должен был бы сейчас играть на какой-нибудь тихой дет-

ской площадке, строить куличики из песка и любоваться красным пластмассовым грузовиком с обложки журнала, а не копать в лесу червей чтобы выжить. Так что он безропотно отдал всё: и то, что должен был, и то, что взял просто для страховки. Тем более, что заражённые, которые стояли вокруг, вели себя вполне мирно, даже не скалились. Куры в тот день снесли по два яйца и усиленно налегали на новое угощение...

– Эй!

Бубен поднял голову и улыбнулся смелому мальчугану, который опять повис на заборе. За весну и лето это лицо уже порядком примелькалось и перестало вызывать жалость или раздражение: ребёнок был сыт, умыт и тепло одет. Так что его сердце, раньше разрывавшееся от вида ребёнка в рядах зомби, теперь было спокойно. Что бы там не происходило, мальчика явно не обижали, а скорее, берегли. Почему – он не знал. Да и важно ли было это?

– Эй!

– Доброе утро, – отозвался Бубен и приветливо помахал рукой, – Как дела?

– Сюда...

Сегодня было что-то необычное: мальчик стоял один и явно волновался. Стоило Бубну подойти поближе, как он резко отшатнулся. И помахал рукой: мол, иди сюда. Так продолжалось довольно долго, пока человек не понял, что заражённый ведёт его в самую чашу. Что-то на краю сознания испуганно замерло: заводит поглубже чтобы убить или просто выполняет приказ?

Мальчик остановился и начал оглядываться.

– Здесь! – сказал он и исчез в кустах.

Одновременно с этим кусты совсем рядом зашевелились и на поляну вышел старик. Он был крепок и шагал бодро, но что-то в его глазах мешать назвать его по-другому. К тому же, в руках у него была большая толстая палка.

– Доброе утро, – поздоровался Бубен, слабо надеясь на ответ.

– И тебе не хворать, – отозвался пришелец.

– Вы... человек?

– Я? Не знаю. Да и важно ли это?

– То есть, на самом деле вы только выглядите как человек?

– На самом деле это ты только выглядишь как человек, а я человеком казаться не хочу.

Мне достаточно выглядеть тем, кем я являюсь.

– И всё же, кто вы?

– Я – тот, что должен управлять.

– Кто? Простите, я не понимаю...

– Ты и не должен ничего понимать. Достаточно того, что они понимают, – и он обвёл взглядом, будто все заражённые были здесь, – Я смог сохранить разум, поэтому я должен сделать так, чтобы они выжили. Сначала мы все напоминали зверей: непривычные к подобным чувствам и силам мозги не сразу поняли, что происходит. Нам казалось, что мы спим, поэтому мы исполнили все свои желаний: кто-то ограбил банк, кто-то убил соседа сверху за постоянный ремонт, а кто-то – покинул свой дом ничего не взяв с собой. Но сейчас, когда пелена спала, мы начали осознавать, что же сотворили. И сколько людей уже погибли. Причём большинство из них были теми, кто сохранил рассудок. Поэтому теперь, когда мы как никогда нуждаемся в тех, кто мог бы нами руководить, рядом никого нет. Мы хотим жить. В мире или в войне – не важно. Мы просто хотим выжить. Излучение не убивает нас: оно служит сигналом бедствия, вызывая у нас панические атаки. Именно поэтому мы раньше никогда не приходили к тебе. Какие вопросы у тебя есть ещё?

– Как вы это делаете? В смысле, как вы общаетесь между собой? Это какой-то вирус, или испытание военных? Почему это вдруг случилось? Ведь всё же было нормально.

– Ничего нормально не было. Человечество движется по спирали развития, где за любым поворотом только бесконечный путь. Но история имеет свойство иногда повторяться. Много лет назад человек начал убивать землю, отравлять её и лишать зелени. Тогда вирус вырвался на свободу и уцелеть смогли лишь те, кто отдалился от основной массы живых: учёные и мыслители, которые принимали к себе только умнейших. Они назвали своё убежище «Атлантида». Однако, шли годы и обстановка на остальной части суши не менялась: люди резали друг друга, если то, что осталось от прошлого и не развивались. Тогда умнейшие придумали способ сохранить свои знания: они создали хранилища знаний и спрятали их там, где никто не смог бы найти. Долгие годы они помогали человечеству и оберегали, пока однажды не столкнулись с глупыми. Тогда им пришлось скрытно покинуть своё убежище и уйти куда-то ещё. А люди продолжили развиваться по своей привычной колее: портить планету и убивать её. Однако, в прошлом году что-то пошло не так и вирус снова активировался.

– А что его активировало?

– Человеческая глупость.

– Что?

– Вирус способен убить только человека, не обладающего каким-то определённым уровнем интеллекта. Для остальных он не опасен и их жизнь и восприятие никак не меняются. Они не являются переносчиками и у них не проявляются симптомы. Они просто продолжают жить. Остальные же попадают под влияние вируса, который изменяет их тело, делая более сильными, ловкими, быстрыми и меткими, но... тупыми. Заражённые не умеют общаться, склонны к проявлению агрессии. Они не признают ничьей власти и стремятся уничтожить всё, что от них как-то отличается. Хотя, стоит признать и положительный эффект данного заболевания: они учатся пользоваться орудиями труда и очень хорошо их модернизируют. Они – уникальные изобретатели, но, как ни прискорбно, сухие практики. Им не понять суть вещей и не вывести теорему. Это за них должны сделать те, кто сохранил разум.

– То есть, вы имеете ввиду, что всё это время мы все, всё население земного шара, были безумными изобретателями? Но, как же тогда великие открытия? Теоремы, тождества, формулы?

– Это сделали те, кто сохранил разум. Остальные жили как животные и, если бы никто ничего для них не сделал, вообще не заметили бы разницы. Они и сейчас беспокоятся только потому, что некому ими управлять.

– Подождите. Вы сказали, что теперь пелена спала с ваших глаз и вы поняли, что совершили. Но, если люди все поголовно – глупцы, как они могут что-то осознать?

– Ими стало некому управлять и они начали беспокоиться.

– Всё равно не понимаю. И зачем вы это говорите мне?

– Вы пережили нашествие вируса и не сошли с ума. Возможно, ваш разум слишком силён, чтобы болезнь смогла его одолеть. Поэтому я и пришёл сюда: тех, что может управлять, осталось слишком мало. А сейчас они нужны как никогда.

– Но я не умею управлять. И вообще: всё это больше похоже на бред. Атлантида, вирус, уровень интеллекта... Выжили только те, кто готовился к этому всю свою жизнь. Я, Ника...

– Я понимаю вашу печаль. Но эта девушка жива, просто она уже откликнулась на зов.

– Что? «Откликнулась на зов»?

– Кроме всего прочего, заражённые обладают одним редким даром: они зовут того, кто мог бы ими управлять. Они нуждаются в нём. И, чем умнее человек, тем сложнее ему противиться зову. Ваша подруга была стойкой и она ждала, пока у неё не кончились силы. Однако, сейчас на этой территории слишком много тех, кому нужна помощь. Страшно представиться, но в последнее время без них она, наверное, чувствовала почти физическую боль. Но сейчас всё в порядке. Я видел её, когда шёл сюда: она строит деревню и собирается обучать заражён-

ных. Это странно, но она, судя по всему, надеется восстановить их разум. Так что вам тоже недолго осталось. Скоро те, кому нужна ваша рука, позовут вас.

– Кто вы?

– Никто.

– Как это?

– Меня нет, я просто ищу своих подчинённых, которых потерял много лет назад...

Вернувшись домой, Бубен долгое время приводил себя в порядок к душе: в голове не укладывался весь бред, что ему наговорил старик. Управлять? Он ещё мальчишка, и совсем не умнее остальных. Какое ему управление? Да и кто согласится его терпеть?

Он зло хлопнул по выключателю, погружая комнату во тьму и шагнул к кровати. Изда-лека донесся тоскливый вой на одной ноте, который перешёл в песню. Она гласила: «Ты нам нужен. Мы – умираем»...

Голоса звучали в голове постоянно. Первую неделю он их почти не замечал, потом стало сложнее: стоило спуститься в подвал и виски взрывались болью, голоса превращались в крики. Он бродил по территории кругами и пытался себя занять, но, как назло, под руку не попадалось ничего подходящего. Всё, что нужно было сделать, он сделал давным-давно. Куры исправно неслись, овощи росли, генератор работал, вода подавалась из скважины без проблем – весь мир ополчился против него.

Потом стало легче: голоса стали звучать громче, но не так настойчиво. С удивлением Бубен понял, что не он один сомневается в подобном выборе. Среди монотонного «Ты нам нужен» появилось «А ты справишься? Сможешь нам помочь?». Было немного раздражающе, но он удержал себя на месте: они имели право сомневаться в выборе природы, он же четырнадцатилетний мальчик. Сам он себе и своё собственное хозяйство не доверил бы, не то что жизни людей. Пусть даже и заражённых.

И вдруг... голоса исчезли. В тот самый момент, когда он начал потихоньку сходить с ума от этого монотонного повторения, голоса стали тише. А потом и вовсе начали пропадать.

В конце месяца он уже мог спокойно спать, а иногда даже подолгу работать в подвале. Голоса звучали с каждым днём всё тише, никто больше не рвался у нему в подчинение. И он вздохнул спокойно. Но, как оказалось, слишком хорошо – тоже плохо...

Иногда в его сознании ярким образом вспыхивали видение кровавого города, который оказался не готов к вирусу и поневоле приходил вопрос: сколько людей, умных и сильных, оказались не в том месте и не в то время? Он вряд ли превосходит своих сверстников, однако он не только смог выжить, но и нашёл максимально безопасное место. Что помогло ему? Интеллект или банальное везение?

Вечерами он садился на кровать и пытался представить, что находится дома. Что сидит на кровати, в окне горит уличных фонарь, там, далеко-далеко от него, кто-то работает на заводе, кормит кур и налаживает генератор. И этот кто-то будет вынужден завтра встать в пять утра и проверить состояние корма. И что, стоит ему устроиться, как дверь тихонько откроется и войдёт мать, в своём привычном голубом халате, с которого давным-давно пропали все цветочки. С маской на лице, она выглядит немножко смешно, и он будет удерживаться от смеха, пока она станет целовать его на ночь. Потом он заснёт и не будет перед сном думать ни о чём, кроме завтрашней контрольной по математике и Ане из параллельного класса с её золотисто-рыжими косичками и голубыми глазами.

Но потом он представлял, что никогда бы не познакомился с Никой, не ехал бы с ней по ночным дорогам, слушая «В мире животных» и жуя гематоген, и чувствовал странно сожа-

ление. Потому что тогда он не смог бы повзрослеть, потому что мать защищала бы его от всего мира со свойственной ей активностью.

Жизнь с матерью никогда не была похожа на сказку. Требовательная и порой агрессивная, она растила двух своих детей, лелея их, как единственное воспоминание о браке. И пусть сестра была подозрительно похожа на соседа и совершенно не похожа на отца, Бубна это никогда не волновало. Он доверял словам матери безоговорочно, и это ни один раз выручало его в самых опасных ситуациях.

Когда он родился, отец воевал на границе, поэтому на фотографии на фоне роддома с кульком в руках стояла только мать. Выданная ещё деду квартира рядом с автобусным депо, где тот и работал, регулярно бралась штурмом представителями многочисленных религиозных организаций, сект и благотворительных сообществ. Бубен много раз думал, что будь дома в такие моменты отец, на двух посмертно возведённых в ранг великомученика стало бы больше, потому что он не терпел любых общин, которые предусматривали денежный взнос. И самым первым воспоминанием мальчика стал тот момент, когда мама, плача, требовала от отца пойти с ней в церковь. Чем закончилась та ссора – он не понял, потому что отец в течение недели собрал вещи и снова отбыл в горячую точку.

А через пять лет появилась Света – мамина любимица, которая должна была оживить жизнь родителей, потому что «старший уже вырос, сам со всем разберётся». Однако рождение второго ребёнка не прошло для матери бесследно: от былой стройности не осталось и следа, а некогда изящные черты лица начали расплываться. Старый халат пришлось выбросить и купить новый: голубой в розовый цветочек, который после первой же стирки полинял и сел, отчего все последующие годы натягивался на животе женщины, устало склонившейся над бумагами. Его мать могла бы сидеть дома с зарплатой отца, но она всё равно регулярно отводила их с сестрой в садик, а сама бежала «по делам», откуда являлась всегда неизменно злая и резкая. Все получаемые деньги она спускала в модном салоне красоты, где мастер обещал «двадцатилетнюю юность». Получилось бы у него или нет – Бубен не знал, потому что однажды мать пришла домой взбудораженная, быстро собрала вещи и запихнула их с сестрой в такси. Пока они ехали, она прижимала Свету к себе и всё причитала, что «как же так, сразу», и молилась. А он смотрел в окно, где разворачивались первые моменты кровавой драмы, вынудившей его покинуть город.

На выезде из города таксист остановился и отказался везти их дальше. Мать, с трудом волоча на каблуках тяжеленную сумку, подгоняла их, слыша гул за спиной, и постоянно ускоряясь.

Они почти вырвались. На парковке, найдя пустую, пусть и окровавленную машину, мать заперла их изнутри и бросилась в ближайший магазин – за продуктами. И больше они её не видели, только слышали крик. Когда заражённые начали подбираться у их убежищу, мальчик открыл окно и попытался вытянуть сестру, но та неожиданно заупиралась и зарыдала. Заражённый бросился вперёд и пробил рукой стекло со стороны девочки...

Очнулся Бубен уже в машине, куда его затащила семейная пара, тоже едва вырвавшаяся из города...

Как всё началось – он не понял. Проснулся он явно слишком поздно и едва не опоздал. Одновременно начали кричать и метаться куры, заскрипели ворота, в которые кто-то упёр что-то тяжёлое и раздалась ругань. Ворота были обшиты специальными мешочками с гематитом, так что использоваться для тарана заражённых было невозможно. А забор он предварительно обшил колючей проволокой. Так что нападение было неразумным: он в крепости, у него есть оружие, а нападающие в случае отступления оказываются просто в чистом поле. Но раздалось несколько чётких команд, и сразу же удар. Судя по всему, заражёнными кто-то командует.

Бубен сбегал вниз по ступенькам и вооружился. Возможно, если выбить главного, то заражённые просто разбегутся. И всё станет как было раньше...

Он промахнулся. Четыре раза. Нападающие – нет. Да и сложно было промахнуться в забор. Едва ворота открылись, внутрь двора хлынула волна из заражённых. Однако сам главным не появился. Он вообще после первого выстрела стало намного осторожнее: спрятался за забор, говорил тихо и старался не выделяться из толпы. Но несмотря на это Бубну удалось ещё три раза прицелиться и выстрелить. Потом стало не до этого: нужно было спасти хозяйство. Он схватил мешок, полный мелких камешков гематита и бросился вниз. Пока нападающие пытались сломать крепкую дверь в здание, насыпал круг из гематита вокруг клетки и закрыл дверь в подвал: незачем заражённым видеть своих мёртвых товарищей...

Он стояли вокруг и было видно, что от их привычной решимости ничего не осталось: камешки он взял из самого центра озера и они должны были служить последней линией обороны. И служили.

– Ну, кто тут у нас?

И Бубен пожалел, что оставил ружьё в комнате: сейчас оно очень пригодилось бы. На него из толпы смотрела стандартная бандитская рожа. Таких было много до эпидемии и, честно говоря, парень надеялся, что во время эпидемии они все умерли. Как оказалось – нет.

– Кто такой, я спрашиваю!

Парень упрямо сжал губы, и опять ничего не сказал. Он не станет говорить, даже если его станут резать на части. Тем более, что взять здесь кроме кур этому человеку всё равно нечего: лопасти генератора он вчера на ночь обмотал изолентой, а до машины в подземном гараже без электричества никак не добраться. Так что всё, что можно здесь найти – это три десятка кур и самодельный парник с овощами. Даже гематит был закреплён под металлические листы и его не было видно. Вместе с Никой они всё сделали так, чтобы в даже в случае захвата их убежища, противнику не досталось ничего из настоящего богатства.

– Говорить не будем, значит? А если я тебя по-плохому спрошу? Не хочешь? Эй, ребята, ну-ка дайте его сюда!

Но заражённые не шевелились: их сковал страх. «Паническая атака, – вспомнил Бубен, – Они не могут и шагу сделать, сколько вокруг гематита. Так что с курами разбираться бандиту придётся самому»

– Эй, а чего это никто ничего не делает? – только сейчас понял бандит, – Я кому сказал? Дайте мне его сюда поближе.

– Они не сдвинутся с места.

– Чего? Ты чего сказал? Сам-то хоть понимаешь, с кем разговариваешь? Да я тебя!

Бубен сделал один шаг назад и... с щелчком закрыл замок куриной клетки. И спокойно сел на пол. Теперь никто не сможет до него добраться. Даже бандит. Потому что замок открывается только внутри.

– Да я тебя сейчас... О, точно, застрелю!

И бандит направился к лестнице. А Бубен схватил двух кур и бросился наружу. Заражённые его не трогали: он всегда носил одежду с гематитовыми мешочками, пришитыми к телу. Так что он выскочил во двор и на рысях проскочил всё расстояние до забора. Раздался звук выстрела и земля рядом вспучилась: противник открыл огонь. Парень рванул вправо, пуля ушла слева, рванул влево, пуля ушла ещё левее. Противник был неглуп и стрелял на опережение. Но за Бубном со своим старым оружием, которое над перезаряжать вручную, он явно не успевал. Он скрылся в лесу раньше, чем пуля прошло ближе двух метров от него...

Было страшно. И холодно. Куры под курткой тоже мёрзли и поэтому перестали вырываться. Одна, кажется, даже заснула. От бывшего убежища раздавались крики: бандит нашёл настолько мало, что теперь разрушал всё, чтобы оно не досталось хозяину, когда тот вернётся. Но Бубен держался и даже не вздрогнул, когда раздался судорожный крик кур, которых начали есть заражённые. Всё, на что он потратил столько времени и труда. Что, как он считал, обеспечило ему спокойное будущее, было разбито, покорёжено, сметено, этим недочеловеком, который считал себя выше других только по праву сильного.

Вторая курица тихо завозилась, устраиваясь поудобнее. Мох, который он уложил в несколько слоёв, утраивая себе постель, оказался влажным, и сейчас ноги невыносимо мёрзли. Да и бокам было тепло только из-за кур. Ужинать пришлось сырым яйцом. Зажигалка была в кармане, но разжечь костёр он не решился: он ушёл не настолько далеко, чтобы это стало безопасно. Столб дыма в безветренную погоду поднялся бы над лесом, выдав его местоположение. А потом опустилась ночь и зажигать костёр стало нельзя из-за света. Так что он просто поужинал и устроился в своём импровизированном ложе...

Он проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. И только потом понял, что кур под боком больше нет. И судорожно рванулся, открывая глаза. Над ним склонился мальчишка, что раньше всегда приходил звать на обед. Он выглядел почему-то очень радостным.

– Куры? – спросил Бубен, и не надеясь на ответ, – Где?

– Там, – ответил мальчик и показал рукой на кусты.

– Зачем?

– Гулять.

– Какой «гулять»?! Разбегутся же!

– Гулять, – упрямо добавил мальчишка и протянул руку с яйцом Бубну, – Вот. Награда.

– Ты хочешь это взять?

– Награда.

– Хорошо, забирай. Только кур верни.

Мальчишка направился в кусты и через минуту вернулся с курами. Что сказать – он был прав, куры гуляли и не могли убежать. Потому что были в самодельных клетках из веточек.

– Это ты сделал?

– Награда?

– Хорошо, будет тебе награда. Только ответь. Это ты сделал?

– Я.

– А почему ты это сделал?

– Ника.

– Ника тебе сказала это сделать?

– Ника.

– Когда? Она была здесь? Где она сейчас?

– Ника. Там.

– Ты отведёшь меня туда?

– Награда?

– Но у меня ничего нет...

– Награда!

– Хорошо-хорошо, я тебя награжу. Вот сейчас схожу к себе домой, выберу что-нибудь и принесу тебе в награду. Хорошо?

– Туда?

– Да, на поле.

– Нельзя! Нельзя туда! Ника!

– Ника тебе запретила?

- Ника.
- Ну, так мне она не запрещала. Подождёшь меня здесь?
- Награда?
- Награда...

Он вошёл в ворота, опасаясь, что нападавшие решили заночевать здесь, но всё обошлось. Двор был пуст, как и само здание. Отсюда вынесли всё, что смогли. Даже кровать. Видимо, это был стандартный налёт для обогащения. В любом случае, всё, что не смогли забрать налётчики испортили. Разбили шкафы, разорвали все бумаги, оставили на месте парника ошмётки плёнки и растоптанные овощи. Те, что не были растоптаны, были демонстративно надкушены. Даже сняли раковину и сбросили со второго этажа во двор. Так что жить теперь было невозможно. Всё, что он создавал таким трудом, в один миг превратилось в руины. Просто потому, что он оказался слаб...

Он бродил по заводу несколько часов. Собирал разбросанное и складывал к стене забора. Обошёл парник и оценил разрушения. Приподнял согнутую палку и повертел в руках.

«В принципе, ничего серьёзного, только плёнку подновить»

И сразу же оборвал себя: нельзя так думать, больше он сюда никогда не вернётся. Он должен помочь заражённым, он встретится с Никой и попросится к ней в помощники. Она не откажется, просто не сможет отказать. Они построят деревню, разведут курятник, разобьют огороды, будут обучать заражённых. Восстановят часть мира и дадут ему возможность развиваться. Потому что это – единственное, что они могут сделать.

Он зашёл в комнату, где раньше жил и задумчиво осмотрелся: ничего необычного. Побродил по ставшей пустой ванной, заглянул в кладовку: нападавшие вынесли всё подчистую. Наконец, спустился в цех и заставил себя посмотреть на то, что осталось от мечты о тихом выживании.

Пол был вымазан кровью. Именно вымазан: кто-то даже заботливо натёр стены и прилепил сверху перья. В углу лежали ошмётки кур, а сверху – как будто сидел петух, специально проткнутый палкой, чтобы не упал. В углу клетки валялась куча какого-то тряпья. Это явно сделали для него, потому что знали – он обязательно вернётся.

Он опустился на колени и завыл от тоски. Что-то внутри вибрировало от боли так сильно, будто весь мир снова рухнул. И, будто в ответ, кто-то тихо заскулил в куриной клетке...

Куча в холодном углу зашевелилась и сразу же «ожили» два самых агрессивных петуха, до этого претворявшиеся спящими. Они бодро подскочили и заставили сидящего там заражённого замолчать и испуганно застыть. Бубен сделал два шага и приник к клетке.

– Кто ты?

Заражённый вздрогнул, но не ответил.

– Кто посадил тебя сюда? Зачем?

Тишина.

– Ты хочешь выйти?

– Да, – неожиданно тихо прошептал заражённый, – Пожалуйста, выпусти меня отсюда. Мне страшно. Мне ещё никогда не было так страшно.

Бубен вздрогнул, когда заражённый поднял глаза: они были абсолютно осмысленными. Человеческими...

– Кто ты? – спросил мальчишку Бубен, уже когда смог запихнуть петухов в специальные клетки, и они шли по направлению к лесу, – И как тут оказался?

– Я вёл заражённых.

– Подожди-ка, но ведь их не ты вёл, я видел. Или вы вели их вместе?

– Нет, я вёл их, пока В... пока он их не накормил. Дальше они ушли без меня, потому что я стал уже не нужен: заражённые были настолько голодны, что подчинились тому, кто накормил. А я был против того, чтобы убивать кур. Я хотел остаться здесь и обустроить убежище. Отказался идти дальше грабить и убивать. И меня бросили.

– Ну, они бросили, я – подобрал. В конце концов, всё в этом мире взаимосвязано. Не брось они тебя, я бы не смог тебя подобрать.

– А зачем ты взял птиц?

– А у меня как раз две курицы есть. Кавалеров им несусь.

– Куда ты меня ведёшь?

– Я иду к своей подруге, она тут недалеко обустроивается.

– Если она живёт недалеко, то они могли уже добраться и до неё.

– Вот это вряд ли. Не хочу тебя пугать, но – самая умная женщина, что я знаю.

– Она – твоя мать.

– Знаешь, если бы у меня была такая мать, я бы не сидел один на заводе без средств обороны полгода и не ждал бы непонятно чего.

– А что бы ты делал?

– А не знаю. Но на заводе бы точно не сидел. А твоя мама где?

– Она... ушла с ними.

– Заражённая?

– Да.

– Всё равно не понимаю, как она могла тебя бросить.

– Он ей приказал.

– Знаешь, тут совсем рядом есть источник. Предлагаю напиться и умыться. А то ты с петухами провёл целую ночь в клетке. Не по-человечески как-то.

– Да.

– Я готов взять тебя к себе. Но есть три условия.

– Условия?

– Да. Если ты их выполнишь, я буду защищать тебя до самого конца жизни.

– И что за условия?

– Во-первых, ты расскажешь мне всё о себе. Когда, где, кто, кого и зачем. Я хочу понять, что вообще происходит в округе. А то сидел один, забившись в свою норку, даже ни разу к людям не выходил.

– Так там и нет людей.

– Как это «нет»?

– Там только заражённые. Нормальных не осталось. Ты – первый человек, которого я увидел с самого начала эпидемии.

– Подожди, а тот, что группу увёл?

– А он тоже заражённый, только сильнее остальных. Вот они его и слушаются.

– Ладно, разберёмся. Во-вторых, я прошу тебя забыть всё, что случилось до этого. В дальнейшем будем жить так, словно и ты на меня не нападал, и я не пытался тебя пристрелить. Ладно?

– А что третье?

– Третье... Оно самое интересное. Понимаешь ли, я в последнее время столько нового узнал, что оно просто в голове не укладывается. А ты, как я понимаю, уже знаешь, как управлять заражёнными. Научи и меня.

– А ты потом меня не выкинешь?

– Нет, я хочу просто жить. Не воевать и не бродить. Найти тихое место и окопаться там настолько глубоко, чтобы никакие громилы со своими тупыми бандами не могли уже ничего изменить.

– Хорошо, я согласен. Как тебя называть?

– Меня?

– Ну не меня же.

– А мне тебя как,

– Зови меня «Бубен».

– А почему именно так. Это больше похоже на собачью кличку, чем на человеческое имя.

– Так звали одного знакомого моей знакомой.

– Он умер?

– Я не знаю. Но, согласись, мы сейчас живём в мире, в котором отсутствие новостей – уже хорошая новость.

– Согласен.

– Так как мне тебя называть?

– Я не знаю. Раньше меня звали Никитой. А потом только «мелкий» или «пацан».

– Я могу звать тебя «мелкий»?

– Если хочешь.

– Это ненадолго. В новом мире каждому из нас нужно новое имя. Потому что все мы изменились.

– Но потом я ведь смогу выбрать себе другое имя?

– Конечно. У тебя будет много времени, чтобы подумать...

– Значит, тебе всего тринадцать лет? Но ты даже на них не выглядишь.

– Я очень мало ел в последнее время.

– И этот... как его... А, не важно! В общем, этот бандит, он твой отчим?

– Да, мама вышла за него, когда мне было десять.

– И что она в нём нашла?

– Деньги?

– У вас были проблемы с деньгами?

– У меня оба родителя – учителя. Конечно у нас были проблемы с деньгами. Мама очень любила отца, но постоянные задержки зарплаты сгубили всю нежность. Она начала брать ребят на частные занятия, а отец считал, что знания нужно давать бесплатно. Они часто ссорились, но никогда не дрались. Они закрывали меня в комнате и долго кричали друг на друга, думая, что я сплю. А когда мне было восемь, они стало спать в разных комнатах. Точнее, отец поставил себе раскладушку на кухне и вообще не заходил в спальню к матери. Потом началась переаттестация педагогов и мама потеряла работу. Так что, когда этот подкатил, выбора особого уже не было. Я не знаю, что случилось, но однажды отец собрал вещи и ушёл пораньше на работу. Больше я его не видел. Но вечером явился этот и они с матерью всю ночь пили на кухне, а меня заперли в спальне. У них на столе было много еды, но мне даже утром не удалось поесть: мать выгнала быстро, потому что боялась его упустить.

– А как вы оказались в одном отряде?

– Когда всё только началось, мама не заразилась, только он. Мы заперлись в квартире и никого не пускали. Потом, когда еда кончилась, мама вышла на улицу и вернулись они уже вместе. Мне было страшно, я боялся, что он будет меня бить.

– Он тебя бил?

– Один раз. Спяну. Зато потом подарил сахарного петушка.

– А что было дальше?

– Мы путешествовали по окрестностям, пока там было, что брать. Потом решили уйти подальше.

– И наткнулись на меня.

– Да.

– Почему тебя запихнули в клетку?

– Я повис у него на руке, когда он в тебя стрелял. Так что он схватил меня и запер в комнате. Он уже тогда решил меня оставить. Но не поглумиться на прощанье не мог. Они выбрали самых буйных петухов и запихнули меня к ним в клетку. Птицы меня клевали. Сейчас я понимаю, что они просто загоняли меня в угол, но тогда очень испугался. Я кричал и бился о прутья, а он стоял, смотрел и ржал. И эти глаза... Ненавижу их... Я вырву их и заставлю его искать себе пищу самому.

– Не будь так жесток. Люди становятся злыми не от хорошей жизни.

– Это – не человек. Заражённые – не люди.

– А вот это ты зря. Среди них попадаются очень умные ребята. Например, они умеют чувствовать изменение погоды. И могу предупредить о грозе. И ещё они очень быстро учатся и многие даже уже частично освоили человеческую речь. Хотя вот в изобретении практичных вещей им нет равных. Они – гениальны.

– Ты говоришь как старик.

– Будешь считать это комплиментом.

– Ты – глупый. И считаешь мёртвых людьми.

– Я прожил один больше тебя и пока что именно заражённые проявили ко мне больше радушия, нежели живые нормальные люди. Они не рвались убить меня, не совершали набегов, не убивали друг друга. Они просто живут.

– Но чем-то же они занимаются?

– Да. Один вон недавно стал на моих глазах человеком и строит из себя самого умного...

Когда они закончили говорить, лес вокруг уже начал погружаться во тьму. Но проводник, казалось, этого не замечал: он спокойно двигался в только ему одному знакомом направлении и задумчиво осматривал деревья.

– Как ты думаешь, долго нам ещё идти? – обратился мелкий к Бубну, который не обращал на попутчика никакого внимания с того момента, как узнал всё, что хотел, – Он ведь не может завести нас в ловушку?

– Нет, Ника не дала бы ему такой возможности.

– Ника? Кто это?

– Моя знакомая. Сейчас она занимается... даже не знаю, как сказать. В общем, вокруг неё много заражённых, которых она учит понимать человеческую речь. Хотя я в этом совсем не уверен, потому что не видел её с самого конца осени.

– Мы проходили здесь в конце осени и не нашли в лесу ничего интересного.

– Я бы удивился, если бы вы хоть что-то нашли. И тем более – интересное.

– Ты просто околдован ею.

– Знаешь, для тринадцатилетнего ребёнка ты говоришь слишком много умных слов. Тебе точно тринадцать?

– Да. Мне точно тринадцать.

– Значит, ты очень умный для своего возраста мальчик. СЛИШКОМ умный. Хотя мне, в принципе, всё равно. Разбираться с тобой будет Ника. Она лучше меня умеет разговаривать с людьми. Не исключено, что вы на неё наткнулись, но ничего не поняли и просто прошли мимо.

– Такого не может быть. Отчим бы точно не упустил такую возможность.

– О чём ты? Какая ещё возможность?

– Среди всех, с кем мы дрались, ни разу не было женщин. А заражённых он и пальцем не трогает – брезгует, видимо. Хотя они вроде вполне нормально выглядят.

– Не нам его судить, – демократично пожал плечами Бубен, – Мы ещё маленькие.

И они снова замолчали. Бубен покосился на Мелкого сквозь отросшую за зиму чёлку и в первый раз заметил, что давно пора стричься. И почему он раньше об этом не вспомнил, да хотя бы на заводе, где всегда под рукой были острые предметы? Он поднял руку и накрутил волосы на палец, про себя удивившись: вроде и не росли никогда такие густые, как у Ники. И тут же вспомнил, как Ника каждый вечер сосредоточенно расчёсывала волосы, распуская косу. Всего на десять минут блестящая золотистая волна накрывала её плечи, делая дьявольски красивой. И она каждый раз смеялась, когда ловила его взгляд, снова заплетая волосы в косу и пряча такую красоту. У неё была расчёска, которую она взяла ещё из дома. Белая, с розовым цветком на ручке... Интересно, чем она сейчас расчёсывает волосы? Расчёска ведь осталась у него, когда она ушла, и он часто крутил её в руках и думал о ней. А теперь её уже не найти: нападавшие перевернули всё и вынесли что плохо лежит. Кто-то из заражённых мог и на расчёску позариться.

Неожиданно он чуть не сбил с ног проводника, который резко остановился.

– Туда, – сказал заражённый и ткнул пальцем в сторону кустов.

– А ты не пойдёшь?

– Нельзя.

– Ника?

– Ника.

– Мне кажется, он просто устал, – сказал Мелкий, едва проводник скрылся из виду, – Или всё, что говорит твоя знакомая, действует на них как заклинание.

– Я не знаю. Да и важно ли это?...

Ника встретила его на берегу речки. Точнее, она была там не одна, но Бубен заметил сначала только её. Она сидела на корточках на мокром песке и что-то держала в руках, демонстрируя это так же присевшим на корточки на другом берегу заражённым. На ней были старые джинсы и тёмно-синяя потёртая футболка. Мелкий замер, не зная, что сделать, а Бубен уже бежал вперёд.

Он успел схватить обернувшуюся Нику и прижать к себе до того, как она выронила то, что держала в руках. Это оказалась примитивная удочка.

– Ты ничего не поймаешь при таком сильном течении, – сказал он девушке прямо в ухо, немного приподнимая её в воздух, – Ты такая тяжёлая! – и опустил на землю, – Ты всегда была такой маленькой?

– Нет, это ты вырос, – и она улыбнулась, – А я совсем не тяжёлая, – она обернулась к заражённым, которые застыли на своём берегу, наблюдая невиданное раньше зрелище, – Нельзя так подкрадываться ко мне. Никогда. А теперь идите в деревню, я скоро тоже приду.

Они одновременно кивнули и скрылись в кустах. Тем временем Ника вопросительно посмотрела на Бубна и показала глазами на Мелкого.

– А... – ему пришлось раскрыть руки, чтобы обернуться, – Ника, это Никита, но я зову его «Мелкий».

– Очень приятно, – она кивнула и неожиданно радостно улыбнулась, – Я слышала, что ты раньше был в группе в местных бандитов. Это так?

– Ну...

– Не переживай, в этом нет ничего страшного. Очень скоро нам нужно будет менять место для деревни и твои знания нам понадобятся. Хочешь есть?...

Они расположились в единственной комнате деревянного дома за массивным столом. Перед каждым стояла миска с тушёным мясом, а в середине стола – блюда с варёными яйцами. Но украшал ужин настоящий по этим временам деликатес – шоколад. Он был мелко поломан и сложен в миску, и оттого казалось, что его мало. Однако, когда Мелкий, насытившись, решительно придвинул миску с шоколадом к себе, то заметил:

– Да тут шоколадки четыре, не меньше.

– Пять, если быть точными, – улыбнулась ему Ника и встала собирать тарелки.

– Сиди, – остановил её Бубен и встал сам, – Ну, как дела? Судя по всему, у тебя тут полный пансион.

– Ага. Они меня обожают. Носятся как с писаной торбой. Сначала вообще пытались кормить восемь раз в день. Ну, ты и сам видишь, – он развела руки, будто извиняясь, – Я теперь стала чуть больше. Зато мы окончательно подружились. А ты как?

– На меня напали, убежища больше нет. Из всего имущества остались только эти два товарища.

И он повёл подбородком в сторону стоящей в углу коробки, из которой уже минут десять не раздавалось на звука. Накормленные птицы, уставшие от долгого укачивания, довольно быстро уснули.

– Ничего, имущество – это дело наживное. К тому же, у нас тут полно кур, а петух всего один. Добавим к нему твоих, глядишь – к осени больше сотни голов к курятнике будет.

– У тебя куры как несутся? По одному в день?

– Ага. А у тебя по-другому было?

– По три, иногда по четыре.

– Ух ты. И как это ты ухитрился?

– Так я их водой напоил из гематитового озера.

– Хитро... Кстати, куда бы мы не шли, убежище бросать нельзя. Там и корм, и энергия, и вода чистая. Да и сил мы на него потратили много. Жалко оставлять такое богатство. Гематит, опять же.

– Заражённые прошли через него.

– Да, это проблема.

– Больше не пройдут, – поднял голову перемазанный в шоколаде Мелкий, – Некому теперь им командовать. Отчим не сможет.

– Отчим? – удивлённо приподняла бровь Ника.

– Я тебе позже всё расскажу, – успокоил её Бубен, – Ты лучше расскажи, что дальше собираешься делать?

– Жить, – пожалла плечами девушка, – Мне больше ничего не осталось. Я тут перезимовала, и не скажу, что мне было плохо. Одиноко, – она покосилась на парня, – Да, согласна, было. Но ни скучно, ни холодно, ни голодно не было. А это на сегодняшний день – уже достижение. К тому же, пора ставить хорошие дома. Эти могут прогнить или размокнуть во время наводнения. Значит, нам нужен кирпич, бетон, камни. А для этого придётся идти в город.

– Почему, – неожиданно подал голос Мелкий, – Вы двое делите жизнь на то, что было до эпидемии, и сейчас? Разве сейчас другая жизнь? Другой мир?

– Да, – улыбнулась Ника, – Тебе может это показаться странным, но весь прошедший год мы с ним каждый день в этом убеждались. Мир слишком изменился, чтобы руководствоваться давно устаревшими правилами. Сейчас твой брат и друг не задумываясь выстрелит тебе в спину и никто его не осудит за это. Выживших слишком мало, чтобы они могли жить по-старому, но слишком много для того, чтобы они могли прожить всю жизнь и не встретиться. К тому же, таких банда, как банда твоего отчима, становится всё больше. Заражённые в этих компаниях всё больше напоминают зверей. За зиму на нас нападали четыре раз. Четыре разные команды хотели забрать всё, что у нас есть. Но мы оказались сильнее, и именно поэтому до сих

пор живы. Ты сейчас сидишь и думаешь, что я стала злой и жестокой. Но это неправда. Я, наконец, стала честной. И я хочу жить. Настолько, что готова убить всех вокруг. И мы с тобой отличаемся только тем, что я – выживу.

– Какая-то странная у тебя правда. И честность тоже.

– Это ты так думаешь, а он, – и она указала пальцем на Бубна, – Так не думает. И знаешь почему? – стол скрипнул, когда она склонилась на мальчиком, упершись руками в дерево, – Потому что он до сих пор жив...

– Он привыкнет к здешним порядкам, – сказала Ника, едва они с Бубном оказались одни на крыльце, – Я уверена, что ему у нас тут понравится. Сегодня печка ваша, а я займу лавку. Завтра на завтрак будет картошка, нам удалось выменять её в ближайшей деревне на яйца. Там сидит вменяемый староста, он сразу не стал с нами ссориться. Так что теперь у нас раз в неделю есть немного овощей. Я думаю, что в ближайшее время вам понадобится отдельный дом. Вы же мальчишки, в конце концов. Так что вы могли бы занять пустой дом на окраине. Его надо привести в порядок, там давно никто не жил...

Она говорила и говорила. А Бубен сидел и понимал, что беспокойство, которое сжимало грудь тисками с того самого момента, как он впервые покинул дом, стало понемногу отпускать. У него на глазах убили маленькую сестрёнку, а мать надрывалась криком где-то в глубине супермаркета. Он никогда не сможет рассказать это Нике. На самом деле он пошёл за ними, потому что надеялся спасти. Но не смог, потому что был слаб. Он потерял всё, встретил её и попытался снова начать жить. Он столько создал и столько сделал, но в итоге снова всё потерял. Потому что главное было – не создать, а защитить. Всё-таки, судьба существует – случайная знакомая оказалась ему роднее и ближе кровных родственников, потому поняла без слов, что он устал, и привела в себя, не оставив чувства вины, раньше следовавшего за ним по пятам.

Ника что-то рассказывала, шутила, размахивала руками в воздухе. А он просто смотрел на неё и понимал, что она совершенно не похожа на всех, кого он до этого знал. Она была рядом, настолько близко, что ему было физически тепло от её присутствия. И это ощущения наполнило его такой радостью, что он на секунду потерял контроль. И этой секунды хватило, чтобы выдохнуть «Спасибо».

– Да не за что.

– Я не об этом.

– Я знаю...

Над лесом медленно поднималось солнце. Завозились в своей коробке выпавшиеся петухи. Мелкий на печке перевернулся на другой бок и закутался в одеяло. Ему снился такой хороший сон, что не хотелось возвращаться в реальность. Где-то тоскливо и голодно завыл молодой волк, отставший от стаи. Из одного из домов вышел заражённый с ведром в руках. Проходя их крыльца, он чуть плутовато улыбнулся и Бубен с удивлением узнал в нём того самого заражённого, что принёс им первого петуха. Он хотел подняться и пойти следом, но Ника завозилась на плече, и ему пришлось прижать её к себе, чтобы она не упала. Они так и просидели всю ночь на крыльце. Молча смотрели на небо, и каждый думал о своём. Но потом уставшая от долгого дня девушка всё-таки уснула, положив ему голову на плечо, а он так и продолжил сидеть и тихо млеть от ощущения небывалой нежности, разлившей внутри от вида её улыбки.

Над лесом медленно поднималось солнце. Начинался новый день...

Глава 3

Над лесом медленно поднималось солнце. Начинался новый день. Из курятника выскочил на порог самый ранний петух и запел. Из крайнего дома вышел заражённый и направился за водой. Спящий под лавкой пёс потянулся и направился вслед за ним. По дорожке мимо дома медленно провёл свою часть курятника один из молодых петухов. Выплеснула грязную воду уже немолодая женщина, чья очередь пришла мыть полы в столовой. Из окна на втором этаже высунулось сонное опухшее лицо и хмуро осмотрело прудик, в котором мирно плескались утки. Где-то в отдалении хлопнула дверь и раздался звук упавшего таза. На балкон выскочила Ника и стала быстро собирать вывешенное вчера бельё. Зашевелился крайний слева стог сена: начал просыпаться Мелкий, который вчера решил «подышать воздухом», да так и заночевал на улице.

В общем, всё указывало на то, что пора вставать. Так что Бубен потянулся и ловко соскочил с печки. Когда Ника пришла его будить, он уже умылся и теперь доедал выделенную ему на завтра Мелким кашу.

– О, ты уже встал. Хорошо, мне как раз надо с тобой поговорить. Это по поводу генератора, – тут она подняла голову, – Мелкий, ну что ты делаешь?! Мы же вчера договаривались, что ты больше не будешь подобным заниматься!

– А я что? – отозвался Мелкий и опустил доску, которой собирался сзади двинуть направляющегося по своим делам петуха, – Он первый начал.

– Он начал, а я закончу! А ну-ка, пошёл на кухню! Там опять что-то стряслось: то ли продукты исчезли неизвестно куда, то ли ключ от кладовой за ночь ноги сделал. Короче, иди разберись, а петуха не трожь, он и ответить может.

– Да как ответит?

– А то ты сам не знаешь? – ехидно выдала Ника в спину мальчику, который уже направлялся в сторону кухни, – Ума не приложу, что с ним делать. Ну, клюнул тебя петух в пятую точку, ну сбежал, ну не бить же его за это! И чего обозлился, со всеми такое было. Петух молодой, противника ищет.

– Ну, можно сказать, он его уже нашёл. Мелкий ему подобного не спустит. У него, знаешь ли, гормоны играют. Возраст такой. И не остановишь ведь.

Ника неожиданно звонко рассмеялась. Бубен замер, наслаждаясь столь редким зрелищем и непонятно отчего вдруг заулыбался сам. В их жизни было слишком мало поводов для радости, чтобы упустить хоть один.

– Ты сам-то себя слышишь, взрослый? Он тебя всего на год младше. И когда ты у нас таким умным стал?

– А у тебя научился, ты же ведь у нас уже такая взрослая, – засмеялся в ответ парень, – Старушка.

– Вот вечно тебе бы посмеяться. А я, между прочим, по делу. Мы смогли вывезти генератор и Макс замкнул на него весь свет в доме. Но, то ли что-то пошло не по плану, то ли план был не очень, но она пару раз двинуло его током и больше не работает. Посмотришь?

– Так я же в этом ничего не понимаю.

– Ну, ты с ним жил, в конце концов, и всё в порядке было.

– С тем, что я жил, работали квалифицированные специалисты. А тут пользователи местного разлива. Зачем он вам вообще был нужен?

– Потому что я хочу, чтобы у меня вся техника в доме работала. И не на батарейках. А от сети...

– ... потому что свечи – это прошлый век, – закончил за неё Бубен, – Ну что ты, конечно же я приду. Вот закончу с курами и приду...

Курятник был его вотчиной. Куры его просто обожали. Как ни странно, так же его обожали и все остальные представители животного мира. Например, утка всегда старалась утrotиться как можно ближе к нему. А куры не пытались сбежать. Так что курятник был скорее их маленьким мирком, где он любил побродить, а они – заночевать. Даже дверь оказалась не нужна: на случай нападения под дверями спал пёс, да и сами петухи, которых уже насчитывалось восемь штук, и человека могли вполне заклевать. Он открыл калитку и вошёл во двор курятника. На порожек заинтересованно выскочил глава курятника – рыжий толстяк по кличке «Луи». Его первенство пришлось признать даже Бубну.

– Ну, Луи, что у нас сегодня?

И спокойно вошёл внутрь. В последнее время куры неслись не очень бойко, но тут скорее были виноваты люди: лето выдалось засушливым, а поставки воды были нерегулярны. Так что, все куры, которых было уже больше ста голов, в день давали только около восьмидесяти яиц. Половина из этого шла на обмен в соседнюю деревеньку. Но они не бедствовали, ведь их хозяйство ограничивалось не только курами. Были ещё и утки, и несколько гусей, и даже три перепёлки, которые перезимовали в старом доме на отшибе, да так там и остались жить, исправно принимая еду из человеческих рук. А скоро (и он блаженно зажмурился от этой мысли) они смогут завести свиней, что сразу же очистит задний двор поместья от грязи. И обеспечит их тёплым мясом. Конечно, лучше бы завести коровок, но, кто же продаёт коров в самый разгар лета?..

Они нашли это место не совсем обычным способом. Просто сосед, который поставлял Нике шоколад, однажды обмолвился, что ещё до эпидемии тут один из новых русских устроил себе настоящий дворец и поместье вокруг. С забором, через который, даже с помощью качественных лестниц, не перелезть. На следующий день они решили проверить. И действительно: забор оказался приличным, ломать его было попросту жалко. И Ника решила: копать. Почти неделю одна половина заражённых усиленно собиралась дома, а вторая – под покровом ночи с противоположной от деревни стороны подрывала забор. План не удался: под слоем земли к концу работ начал проглядываться бетонный фундамент. Староста, прекрасно знавший об их планах, даже явился полюбоваться на расстроенные лица. Но никого не обнаружил: один из работников ночью упал в реку, и его течением занесло внутрь через большую трубу. Так что путь был найден довольно быстро и уже на следующее утро поместье распахнуло ворота, чтобы принять первых поселенцев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.